

КОСМОНОРТ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ

№. 3(4), 2014

16+

ПОДПИСКА

**НАДЕЖНО!
ВЫГОДНО!
УДОБНО!**

Беларусь
74908
Россия
по каталогу
«Почта России»
99715

Беларусь
01205
Россия
по каталогу
«Почта России»
83252

Беларусь
00750
Россия
по каталогу
«Почта России»
10815

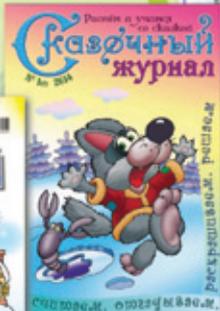
Беларусь
74930
Россия
по каталогу:
«Почта России»
11432

Беларусь
00646
Россия
по каталогу:
«Почта России»
99985

Беларусь
00653
Россия
по каталогу:
«Почта России»
99752

Беларусь
01142
Россия
по каталогу:
«Почта России»
99986

Беларусь
00123
Россия
по каталогу:
«Почта России»
99984

**Выпишите для своих
детей и внучат
Мишуткины журналы.
Дети будут рады!**

КОСМОПОРТ**ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ****№3(4), 2014**

Главный редактор:
**Михаил Андреевич
ДЕРЕВЯНКО**

Заместитель главного редактора:

Сергей БУЛЫГА

Художники:

**Ирина ЛАЗЕРКО,
Наталья КЛЕВЦЕВИЧ**

Вёрстка, дизайн:

Наталья КЛЕВЦЕВИЧ
Учредитель и издатель:

Частное торговое унитарное
предприятие «Минар»,
г. Минск, ул. Лобанка, 22 - Н5.
Зарегистрировано
в Министерстве информации РБ.
Свидетельство о регистрации
№ 1633 от 20. 06. 2013.

Адрес для переписки: 220082,
РБ, г. Минск, а/я 34. «Космопорт».
Телефон: +375-29-653-22-54.

Эл почта avtor@kosmoport.net
сайт: www.kosmoport.net
Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Подписано в печать:

28. 02. 2014. Формат 70x100/16.
Офсетная печать. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 5,16. Заказ № .
Тираж 5500 экз.

Отпечатано в унитарном
полиграфическом предприятии
«Витебская областная типография».
ЛП № 02330/0494165 от 03. 04. 2009 г.
Ул. Щербакова-Набережная, 4,
г. Витебск

Подписные индексы в Беларуси:
для инд. подписчиков - 74892,
для вед. подписчиков - 748922
© Частное предприятие «Минар», 2014

2 Дэшилл ХЭММЕТ «МАГИЯ» — чародей и его ученик

10 Андрей БУДАРОВ «ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ХЭМ-МЕТ» — тайна мастера

12 Дмитрий КАЛЮЖНЫЙ «СТРАШНАЯ ДЕВУШКА И ПРИШЕЛЕЦ» — они уже здесь! И вы даже не представляете...

20 Иван ГЛОТОВ «КОНСУЛЬТАНТЫ» — из жизни звёзд

26 Э. Ф. БЕНСОН «РОГ УЖАСА» — старый добрый классический хоррор

34 Артём АГЕЕВ «МАСТЕР МНОГОСТОРОННЕГО ТАЛАНТА» — о творчестве Э. Ф. Бенсона

35 Мария ПОЗНЯКОВА «НОМЕР ДЛЯ ДВОИХ С ЛУНОЙ» — мы их придумали или они нас?

40 Михаил ДЕРЕВЯНКО «ПУТЁВКА» — а что, если уехать в параллельный мир?

46 Игорь ЦВЫРКО и Михаил ДЕРЕВЯНКО «МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ» — интервью с Михаилом Деревянко

48 Сергей ИГНАТЬЕВ «БРИНКАДОРЕС» — они не могли ждать милостей от природы, они...

53 Владимир МАРЫШЕВ «СРЕДСТВО ОТ ТАРАКАНОВ» — поначалу нам всем было очень радостно

60 Яцек САВАШКЕВИЧ «КЛАД» — почти как в сказке

61 Педро КАМАЧО «ИНЖЕНЕР ВИТРУВИЙ И ДРУГИЕ» — история одной легенды

Дэшилл Хэммет Магия

Поздно вечером, когда у Страйта завершался девятый день поста, в комнату вошёл его ученик-талмид Саймон, сопровождавший ювелира Баклипа. Маг читал потрепанный манускрипт, озаглавленный, ни много ни мало: «Чёрная Курочка, или Курица, несущая золотые яйца; включает Науку Магических Талисманов и Колец, Искусство Некромантии и Каббалы; для заклинания Воздушных и Адских Духов, Сильфов, Ундин и Гномов, для овладения Тайными Науками, для Обнаружения Сокровищ, для получения власти над всеми существами и разоблачения всех Наук и Колдовства. Всё знание следует из Доктрин Сократа, Пифагора, Зороастра, сына Великого Оромасиса, и других философов, чьи труды в рукописях были спасены от пожара в Библиотеке Птолемея. Переведено с Языка Магов и Иероглифов докторами Mizzaboula-Jabatia, Danhuzerus, Nehmahiah, Judahim и Eliaeb».

Комната, просторное помещение с белым полом, имела высокие стены, задрапированные тёмным бархатом, который был расшит сверкающими оккультными

знаками. Мальчик, сидевший на корточках в углу, месяца два назад утратил от страха дар речи — в тот день, когда его отдали в обучение к магу. Мальчик полировал квадратным лоскутом шёлка серебряное кольцо Раума с выгравированной печатью, походившей на схематично изображённую палубу причудливой лодочки.

Страйт был дородный мужчина лет сорока — впрочем, возраст магов точно не определишь. За девять дней поста кожа на его пронизательном лице стала прозрачной, уголки губ опустились. Он отметил пухлым пальцем место, до которого дочитал, и поднял глаза на Саймона. Перевёрнутая пятиконечная звезда, вышитая на бархате в круге древнееврейских надписей, образовала забавный нимб над полным розовым лицом мага.

Несколько мгновений ювелир Баклип с нетерпением ловил взгляд Страйта, а потом обернулся к талмиду в надежде, что тот заговорит первым. Но едва Саймон попытался что-то произнести, как Баклип разразился невнятным бормотанием:

— Тут вот... Мне нужно... Если вы можете... Я же знаю, вы можете!.. — Вскоре поток бессвязных фраз превратился в неясные тихие звуки, тонувшие в мягкой шляпе, которую теребили беспокойные руки ювелира: — Если возьмётесь... Мне нужно...

Под эти тихие звуки Саймон сказал:

— Он хочет любви от женщины, господин.

Ювелир Баклип переступил с ноги на ногу, хрустнул пальцами и отвёл глаза в сторону, но всё же кивнул, подтвердив прозвучавшие слова. Этот крупный мужчина настолько сильно нервничал, что его голова, лишённая растительности, стала серой — такого цвета, как если бы её покрывали седые волосы.

— От особой женщины? — карие глаза Страйта, утомлённого воздержанием, впервые обратились на ювелира. — Или от любой женщины?

Баклип так отчаянно дёрнул головой, что скрипнул воротник:

— От особой!

— Она жена или девица?

— Деви... э-э... Она не замужем.

— И ты не можешь покорить её ни одной безделушкой из своей лавки?

— У меня лучший ассортимент в городе! — Ювелир с усилием придушил в себе торгашескую бойкость. — Мои подарки, похоже, больше не радуют её... больше не привлекают её... — Стыд в его глазах, под которыми темнели мешки, сменился беспокойством. — Вы можете мне? Можете ещё раз?

Поставив локти на стол, рядом с манускриптом «Чёрная Курочка», а лицо погружив в мясистые ладони, Страйт начал разглаживать дряблые щёки, вынуждая ювелира ждать ответа, и единственным звуком в комнате стало шелестящее трение шёлка о серебро в руках сидевшего на корточках мальчика.

— Ты получишь её, — произнёс маг, когда суетливые пальцы ювелира испятели шляпу влажными отпечатками. — Скажи Саймону всё, что мы должны знать о ней.

Баклип с ликованием шагнул вперёд:

— Так вы всё же?..

Саймон поймал его за руку, ш-ш-шепнул что-то на ухо и вывел прочь.

— Всегда одно и то же, — сказал Страйт, откидываясь на спинку стула, когда вернувшийся талмид положил возле своего господина горсть золотых монет и исписанную бумагу. Смахнув их через край стола в открытый ящик, маг пожаловался: — Всегда им требуются только любовь и богатство, даже если на короткий срок в моду входит что-то другое. За двадцать лет, кажется, только дважды меня просили о мудрости, дважды, пожалуй, — о счастье, и один раз, насколько я помню, — о красоте. Остальным же — рождайтесь, новые причуды, сменяйся, мода — нужна любовь и нужно богатство. Саймон, зарабатывай навыки балаганного фиглярства с этими двумя людскими грёзами, и от клиентов не будет отбоя.

— Фиглярства?

— Шарлатанства.

Талмид покусал пунцовые губы, его брови надломились в испуге:

— И больше вы меня ничему не обучите?

Страйт отрицательно покачал головой, и бледное юное лицо талмида исказилось в отчаянии. Губы его шевелились, не издавая ни звука, но, несмотря на разочарование, ученик выдержал пристальный взгляд наставника.

— Значит, я слишком глуп, — выдавил, наконец, талмид, — чтобы постигать Искусство?

Страйт надул щёки, потом с шумом выдохнул и укорил воспитанника:

— Цыц! Я имел в виду, что владею только ремеслом шарлатана.

— Господин! Но то, чем вы занимаетесь!..

— Да, — признался Страйт, равнодушно пожав плечами. — Я снабжаю тебя диковинными чудовищами, которые скачут на волках, причём вызываю их то ли из несуществующих мест, то ли прямо из Ада — в зависимости от обстоятельств. Демонстрирую волков, которые скачут на ещё более диковинных чудовищах, и быков с человеческими головами, и людей с головами змей. Я выдаю их тебе, но разве они хоть что-нибудь значат? Ты заметил, сколько времени я трачу на всякую чепуху? Устраиваю себе пост, досконально изучаю странные ритуалы, вдыхаю разные зловония, порчу зрение при разглядывании заковыристых символов, бубню мудрёные заклинания — разве не смешно было бы, Саймон, если бы я ничего не смыслил в этих материях, какими бы отвратительными они ни были, — в тех самых материях, к которым неотступно стремится мой обмороченный разум?

Саймон остался почтительным, но ликования не сдержал:

Сэмюэл Дэшилл Хэммет (1894 — 1961), классик детективного жанра, подробнее см. на стр. 10.

— И мне знакомы эти материи, господин, и мальчику!

— Тебе? — в усталых карих глазах мага мелькнула насмешка к талмиду и его юности. — А почему они должны быть тебе незнакомы? Пусть я фигляр, но неужели мне полагается быть ещё и неумелым? Это что, такой уж великий фокус — заставить тебя видеть иллюзию, слышать её, чуют запах? Неужели я не должен быть более сведущим, чем политики, рекрутирующие серванты и те девушки, что любят пускать пыль в глаза?

Саймон, пойманный на самомнении, покраснел и опустил глаза. И всё же он непреклонно мотнул головой:

— Но то, что вы делали! Дочка Венгеля, генерал, мадам Рир! И все остальные, и всё, что вы сотворили для них!

Страйт фыркнул при мысли о том, что подлинность его работы измерена произведённым эффектом.

— Таких же результатов, даже куда более впечатляющих результатов, — возразил он, — добивались мастера, чьи методы далеки от идиотизма. Настоящие чудеса вершились в прежние времена почти с каждой вещью, какую только ни представь, и только одно их перечисление будет столь долгим, что оно станет смешным и оскорбительным. Конечно, далеко не у всех сохранилась сверхъестественная сущность, но в нашем мире лишь несколько предметов ни разу не проявляли колдовские свойства.

Он наклонился вперёд, саркастично постукивая пальцем по истрёпанному манускрипту «Чёрная Курочка»:

— Вот, смотри — детский фокус-покус, и его нелепое жульничество известно даже тем, кто пишет эти книги, — но маги с успехом его применяли. Такие ослиные предписания, как «Гримуар Гонория», «Verus Jesuitarum Libellus» и «Praxis Magica Fausti» прекрасно использовались, чтобы нарушать равновесие природных явлений, не так ли? Обычные колдуны совершали чудеса

вообще без каких-либо инструментов, верно?

— Да, господин, — коротко ответил Саймон, прижавшись спиной к стене своей веры. — Но вы показывали и то, что не могло бы существовать без истинной магии.

Страйт укрыл лицо в ладонях и снова принялся тереть щёки. За усталой пронизательностью его розового лица таилось сожаление — возможно, потому, что теперь он не мог возразить талмиду.

— Верно, Саймон, что-то кроется за всем этим, за всеми нашими забавами, даже за исследованиями ранних каббалистов. Нечто такое, что в давние времена роднило, видимо, познания и откровения, пережитые в святилищах волхвов, — мудрость, мистическая наука о Знании, которое стоит прежде обычных знаний, выше них и за их пределами. Оно не имеет и не должно иметь никакого отношения к нашим дешёвым трюкам и махинациям. Всё это, — он повёл рукой, чтобы указать на комнату, её меблировку, на всё, что происходило или могло произойти в комнате, а также на мир за её стенами, — всё это лишь искажённая тень неясной тени той сущности. И так как подоплёка почти наверняка существует, наши теургические уловки становятся всё более подлыми, чтобы приносить успех.

Быть может, придёт день, и ты, Саймон, сумеешь достичь этой подоплёки. Впрочем, едва ли. Скорей всего, ты только сделаешь попытку, потерпишь неудачу и вернёшься к ловкачеству, в котором ежедневно сейчас упражняешься. Возможно, ты впоследствии предпримешь ещё одну попытку, но и тогда вряд ли что-то получится. И вот после этого ты уже окончательно погрязнешь в плутовстве и обнаружишь, что испытываешь удовлетворение человека, который хорошо выполняет свою работу, какой бы глупой она ни была. Впрочем, не исключена и радость от мыслей о том, как удачно ты выполнил заказ очередного клиента — но это лишь в редкие светлые дни. А во все остальные ты будешь ощу-

щать только вкус власти над немногими нашими Процелами и Хаагенти, откроешь приятные стороны своего романтического и даже важного места в собственном мире. Умные люди нечасто будут пользоваться твоими услугами, это верно. Им известно, что твоя работа одинаково бесплодна в обоих случаях — и когда имеет успех, и когда завершается неудачей. Но тебе это не причинит беспокойства: в твоём мире умных обитателей не будет.

У тебя разовьётся ссорка, появится профессиональная гордость за свои умения, а деньги потекут рекой. Вскоре ты доживёшь до зрелых лет, затем так же быстро состаришься. Иногда по ночам тебя будут терзать мысли об истинной магии, которой ты подражаешь своим мошенничеством, но, наконец, твой разум помрачится от соблюдения постов, от погружения в символы и формулы, и от других составляющих твоего ремесла. Ты станешь — я надеюсь — простодушным колдуном с детским самолюбием и верой в то, что приносишь пользу.

— Да, господин, — лицо талмида озарилось безмятежно-радостной улыбкой. — Ну и пусть, мне хватит и половины того, что умеете вы!

Во взгляде Страйта читалась странная смесь жалости, весёлого презрения и некоторого удовольствия от комплимента. Маг хмыкнул, закрывая вопрос, обсудить который в должной мере так и не получилось, и вернулся к текущим делам:

— Я не стану использовать Раума по заказу Баклипа, хотя для первого дела Раум пришёлся бы как нельзя кстати. Но если я могу вызвать одного демона для обоих клиентов, то нет никакой нужды поститься ещё девять дней. И вот кто нам сейчас потребуется: тот, кто читает мысли и служит посредником — первому, а второму — тот, кто способен разжигать любовь. Вполне сгодился бы Вуал, верблюду, если бы не его упрямое стремление говорить по-египетски — как по мне, это чертовски сложный язык. Думаю, лучше выбрать

Данталиана, тем более что утро обещает быть ясным.

Пока он говорил, мальчик продолжал полировать кольцо Раума.

— Отложи-ка это, сынок, и возьми за кольцо Данталиана. Оно в шкафу, на верхней полке — медное кольцо, где на печати размашистый рисунок из крестов и кружочков.

Занималась утренняя заря — ясная, как и предсказал маг, — когда он, белый и величественный в льняном колпаке и мантии, перехваченной широким кожаным поясом с Именами, вошёл в комнату, где его ждали помощники в надлежащих одеждах. В ответ на пожелание доброго утра они лишь кивнули: говорить до завершения действия им запрещалось. На открытых западных окнах уже не было бархатных занавесей, и четыре свечи на столе — красная, белая, зелёная и зеленовато-чёрная — стояли возле шёлкового свёртка, в котором находились инструменты Искусства.

Увидев, что всё готово, Страйт вычертил на белом полу, ещё влажном от люстральной воды, огромный круг, а внутри него — другой, поменьше. В пространстве между окружностями он под напевное бормотание скопировал Имена со своего пояса, причём обратил их на запад и перемежил астрологическими знаками Солнца, Луны, Марса, Меркурия, Юпитера, Венеры и Сатурна. Во внутренний круг маг вписал квадрат, а между сторонами квадрата и окружностью втиснул четыре пятиконечные звезды. В каждую из них поместил букву Тау и внёс другие буквы в предназначенные им места. Рядом с кругом Страйт повторно изобразил астрологические знаки и четыре пентаграммы с Тау, а между лучами этих звёзд написал слоги Имени Tetragrammaton. В последнюю очередь он начертил треугольник, частично лежавший на западной стороне круга, частично выходивший за его пределы.

Всё это время горло Страйита издавало угнетающе-низкое гудение, которое словно бы тяжко нависало над магом, поэтому когда он закончил своё мистическое зодчество и перешёл к столу, чтобы развернуть шёлковый свёрток, атмосфера в комнате сгустилась, препятствуя всякому движению. Талмид, медленно переступая, с трудом внёс в начерченный треугольник жаровню со свежим древесным углём, а немой мальчик, устанавливая свечи в звёздах за пределами круга, действовал так неловко и неуклюже, как будто его руками требовалась помощь зрения, чтобы определить, держат ли свечи или нет. Едва загорелись свечи и уголь в жаровне, Страйит взял со стола ореховый жезл с вырезанным тетраграмматоном, а также внушительных размеров меч с надписью «Elohim Gibog», и шагнул в круг. Позади заклинателя встали на колени Саймон и мальчик, при этом каждый из них держал менее весомый меч с менее весомой надписью — «Panoraim Neamesin» и «Gamorin Debalin».

Страйит широко расставил ноги, взглянул на кольцо Данталиана — с печатью без драгоценного камня — которое было надето на палец его левой руки, затем повёл плечами, чтобы под тяжёлой мантией стало свободнее, сдвинул пояс повыше, перехватил в ладонях жезл и меч, откашлялся и обратил лицо к западу:

— Призываю и заклинаю тебя, о дух Данталиан, и с опорой на власть Господа Всемогущего повелеваю тебе именами Baralamensis, Baldachiensis, Paumachie, Apoloresedes и могущественных князей Genio, Liachide, посланников Адского Престола, верховных князей Престола Оправданий в девятой области. Подчиняю тебя и повелеваю, о дух Данталиан, властью Того, Кто изрёк, и свершилось, а также священными и славными Именами Adonai, El, Elohim, Elohe, Zebaoth, Elion, Escherce, Jah, Tetragrammaton, Sadai: явись немедленно и покажись мне здесь, перед этим кругом, в мирном и человеческом облике, без уродства и угрозы; приди немед-

ленно, в какой бы части света ты ни был, и дай разумные ответы на мои вопросы; предстань сейчас, предстань видимым, предстань дружелюбным, исполни то, что я требую — ты, вызванный Именем...

Длился и длился в подобной манере этот мистический вздор с равномерными повышениями и понижениями тона, перешедший в утомительное пустословие, теперь непоследовательное, теперь тавтологичное, теперь изобилующее повторами, хотя в пустопорожних фразах отнюдь не всё было лишено смысла. Наконец речь стихла, но в комнате так ничего и не изменилось, только свет восходящего солнца стал более розовым.

— Хм-м-м, — промычал Страйит. — Мы ещё посмотрим!

И он пустился во второе заклинание, уже почти не сдерживая голос, отчего на открытых гласных раздавался резонанс, похожий на звук гонга. Теперь маг призывал Именем Anehexeton, которое изрёк Аарон, и ему дана была мудрость, Именем Joth, что Иаков узнал от ангела, Именем Escerchie Ariston, которое назвал Моисей, и реки и воды Египта превратились в кровь, и другими Именами. Когда оккультист умолк, между жаровней и окном показалось зыбкое колыхание, помутнение воздуха, исчезнувшее сразу после появления.

Лицо Страйита посуровело, взгляд Страйита сделался строгим, костяшки пальцев Страйита побелели, стиснув жезл и рукоять меча.

— Вот как? — спросил он мягко, и больше не осталось в нём мягкости. Третье заклинание медной песней обрушилось на бархатные стены, обратилось на себя, обратило пламя свечей в тусклые искорки и образовало на льняной одежде колена-преклонённых учеников влажные пятна от подмышек до бёдер. К тем Именам, которые уже звучали, добавились Eue и Saray, а ещё Primematum и прочие Имена.

Когда ритуал завершился, оказалось, что в комнате есть кое-что новое, и оно

не пришло снаружи, а возникло здесь же, внутри. Между жаровней и западным окном появился солдат в красно-коричневой одежде, с узкой полоской жёлтого металла на лбу, сидевший на гнедой лошади. Если вы решите, что он материализовался из воздуха или мгновенно переправился из иного места, то будете правы, хотя едва ли сможете указать, в какой момент это произошло.

Страйит прикрыл веками свирепые глаза и повернул к солдату лицо, лишённое всякой благосклонности:

— О дух Берит, преобразующий металлы, раскрывающий прошлое, настоящее и будущее, раздающий титулы, обманывающий! Я не звал тебя, и потому позволяю тебе удалиться, не учинив вреда ни человеку, ни животному. Удались, говорю я, и будь...

Тут солдат Берит, играя пальцами с лошадиной гривой, пригнулся к шее скакуна и попробовал уклониться от отставки. Его лицо, покрытое рубцами, изобразило кротость, а в резком голосе зазвучало приторное дружелюбие:

— Но я уже здесь, Страйит, и ты можешь использовать меня...

— ...будь готов явиться в любое время, когда бы ни призвали тебя должные обращения и заклинания, — голос мага стал беспечнее. — Повелеваю тебе удалиться тихо...

Солдат заставил гнедого приблизиться к оккультисту и вытянулся вдоль лошадиной шеи:

— Страйит, что за?..

— ...и мирно, и пусть вечно продолжится покой Божий между мной и тобой, — закончил Страйит, и в комнате не стало ни красного солдата, ни его красного коня.

Проведя тыльной стороной ладони по влажно блестящему лбу, маг при помощи камфары и бренди стал оживлять зачухшее пламя жаровни. Ученики в это время ёрзали за его спиной, не поднимаясь с колен и чересчур шумно дыша открытыми ртами.

Уголь ярко вспыхнул, и Страйит убрал скляночки. Крепко стоя на своих коротких ногах, он вновь обратил лицо к западу и словно бы превратился в железный рог, из которого загремел призыв к Корсону, королю Запада. Никакого эффекта это не произвело, за исключением того, что двоих за спиной Страйита охватила дрожь. Маг опустил голову, ухмыльнулся улыбкой василиска и принялся с ожесточением проносить Проклятие Цепям. Немой мальчик хотел было заткнуть уши пальцами, но Саймон помешал ему, ударив по руке.

Когда прозвучало последнее зловещее слово Проклятия и ничего нового в комнате не появилось, Страйит вытащил из-под мантии чёрную коробочку, стиснул в руке, а другую руку протянул за спину. Талмид вложил в его ладонь свежий пергамент, на который была нанесена печать Данталиана. Пергамент отправился внутрь коробочки, где находились асафетида и сера, крышка захлопнулась, вокруг трижды обмоталась железная проволока, затем в проволочную петлю проник меч Страйита, и коробочка окунулась в пламя жаровни.

Иззубренные, скрежещущие фразы Огненного Проклятия отняли яркость у вышивки на стенах, заставили мальчика свернуться в маленький клубок, окрасили подбородок талмида кровью, которая брызнула из закушенной губы — так он пытался сдержать рыдания. Лицо Страйита стало холодным, бесчувственным, белым пятном, когда коробочка сползла с меча и улеглась среди горячих углей.

Между жаровней и окном стояло нечто многоликое, похожее на человека. Лицо, видневшееся над шеей, не было уродливым даже при всей той угрюмости, с которой это необычное существо переносило страдания. А вот другие его лица были искажены гримасами боли. Лица на кончиках пальцев правой руки сплющились о книгу, которую прижимал к себе прибывший.

Страйит выдернул коробочку из огня и бросил на её место щепотку ладана. Ком-

ната сразу же наполнилась пряной сладостью. Вежливо приветствуя существо у окна, оккультист, тем не менее, отогнул складку своей мантии, за которой обнаружилась Печать Соломона. Заклинатель не прикрывал её, пока существо не вошло в ту часть начерченного треугольника, которая лежала за пределами круга.

— Я здесь, Страйит, — произнесло одно из лиц вполне смиренным голосом, но остальные повторяли за ним слово в слово, и это несколько сбивало с толку. — Повелевай мною.

Маг не стал тратить время на перебранку, на ругань из-за своенравия, которое выказал дух. Заведя руку за спину, Страйит принял от Саймона два бумажных листа с записями. Бросив взгляд на первый из них, заклинатель обратился к демону:

— Человек по имени Итон прежде владел несколькими морскими судами вместе с человеком по имени Дирк. Недавно они поделили суда, и каждый забрал свою долю. Теперь я должен узнать, преуспели ли Дирк больше, чем Итон, который, похоже, не слишком преуспел.

Данталиан поднял правую руку с книгой, и маленькие лица на кончиках его пальцев перелистнули страницы крохотными белыми зубками.

— У Дирка дела идут лучше, — подтвердил он тремя ртами.

— Вот как? Тогда вложи в разум Дирка мысль вернуться к Итону, чтобы они вновь объединили суда на равных правах.

Женское лицо на левом плече Данталиана улыбнулось медленно и томно под грузом своей обольстительности, и ответило за всех:

— Может быть, лучше сначала вложить эту мысль в голову супруги Дирка?

Страйит пожал плечами:

— Да, я слышал эту сплетню. В общем, вопрос улажен, дальше справишься сам. Но есть ещё одно задание. Ювелир Баклип желает любви от женщины, чьё имя, — Страйит склонил голову ко второму

листку и скрипнул зубами, — Белла Чара. Ты...

— Остановись! — грянули вразнобой все рты Данталиана. — Не совершай глупость!

Страйит посмотрел на демона и воздержался от дальнейших слов, хотя ни малейшей уступки в холодных глазах мага не было.

— Не действуй опрометчиво! — продолжался перезвон голосов. — Ты же сам....

Страйит оборвал его, подняв жезл левой рукой, на которой пылала печать демона. Момент был непростой, и заклинатель покосился через плечо сперва на одного из коленапреклонённых помощников, затем на другого.

— Примем как данность, — сказал он, — что и тебе, и мне всё это известно. Давай больше не будем отвлекаться, если нет возражений.

— Но зачем тебе отдавать её? — спросил Данталиан несколькими голосами, а голова куртизанки на его плече глянула со значением. — Возможно, честнее будет не принуждать её к тому, на что она сама не согласна? Она твоя — не отпускай её.

— А как же подарки ювелира?

Куртизанка захихикала, но самое участие из лиц Данталиана мягко откликнулось:

— Ты же неделями с ней не видишься из-за своих постов и воздержаний, так? Каждый раз ей приходится сидеть дома сложа руки и в полном неведении ждать, когда же ты выкроишь время на визит к ней. А подарки от ювелира... Его приход к тебе показывает, что драгоценности не помогают, верно?

Страйит нахмурился и произнёс:

— Я заключил договор. Чтобы его исполнить, я задействовал свои теургические умения. Ты...

— Остановись! — снова крикнул Данталиан и начал глумиться: — Хорошо, ты заключил договор. А твой договор с ней? Превратился в пустой звук, стоило затронуть твоё глупое тщеславие! Соглашение

с ней не способно перевесить страх, что болван Баклип станет рассказывать, будто колдовство его соседа Страйита оказалось бесполезным. Разве ты ребёнок, Страйит — отбрасываешь то, что ценишь, ради людской молвы, которой сам не доверяешь? Неужели тебе так важно называться магом?

Насупив брови, Страйит начал говорить:

— Ты даруешь... — и сразу прервался, глядя на книгу, страницы которой быстро перелистывались щёлкающими ротопальцами Данталиана. Белое шелестящее пятно становилось всё меньше пятном, всё меньше книгой...

И вот в руке демона возникло женское лицо.

Прежде ничто в этой комнате не появлялось настолько жутко. Материализация демона, какой бы эффектной и быстрой она ни была, ни в коем случае не может происходить по-настоящему странно, поскольку это не в природе духов. Совсем иное дело, когда из книги рождается спелая розовая плоть — тёплый овал лица, смеющиеся губы и полные веселья глаза, — которая так ужасно разлучена с нежным живым телом.

— Вот этим ты хочешь оплатить себе право распускать хвост! — обвинил мага Данталиан. — Вот это ты в пустом тщеславии швырнёшь ничтожному ювелиру!

Страйит сглотнул, облизнул губы и отвёл взгляд от притягательного женского лица в руке демона. Маленькие лица на кончиках пальцев целовали и ласкали алыми язычками округлое горло, которое находилось в их полной власти. Страйит уставился в пол и нахмурил лоб под льняным колпаком. Казалось, он раздавлен бременем вины. Так продолжалось достаточно долго. Наконец Страйит заговорил:

— И всё-таки будет так, как я сказал: ты даруешь ювелиру Баклипу любовь этой женщины, и пусть никогда она не посмотрит с любовью на другого человека.

Данталиан превратился в пандемоний голосов, которые лаяли, рычали и вопили,

превратился в ужасающую галерею гневных масок, которые гримасничали и плелись.

Страйт продолжил:

— О дух Данталиан, поскольку ты старательно исполнил мои требования, позволяю тебе удалиться, не причинив вреда ни человеку, ни животному. Удались, говорю я, и будь готов явиться в любое время, когда бы ни призвали тебя должные обращения и заклинания. Повелеваю тебе удалиться тихо и мирно, и пусть вечно продолжается покой Божий между мной и тобой.

Страйт взмахнул мечом, жезлом и медным кольцом с печатью — и в комнате не осталось ничего, кроме самого мага с его принадлежностями, бледного Саймона, который раскачивался, стоя на коленях, и лежавшего без сознания мальчика, чьё лицо было запачкано углём.

Талмид Саймон коснулся рукава учителя:

— Ох, господин! Если бы я только знал, когда ювелир называл её имя, что вы...

Но Страйт строго сказал, что это ерунда. Сказал, что всё это не имеет значения, а Данталиан просто делал из мухи слона. Сказал, что в его годы не следует тратить время на любовь.

— Но, господин, ювелир старше вас по крайней мере лет на десять, разве нет? А она — ей двадцать пять, раз она в самом расцвете!

Тогда Страйт улыбнулся краем рта, посмотрел в бледное лицо талмида и спросил, не считает ли Саймон лицо той древней ведьмы — желанным?

Саймон пристыженно вспыхнул и попробовал отмыться от обидной снисходительности наставника:

— Нет, господин! Она... если бы она была моей, я бы никогда... — он замялся, потому что его слова вели к ещё более унижительной снисходительности.

Но Страйт оставил это без внимания. Он признался, что прекратил играть роль человека. Сказал, что Саймон в своё вре-

мя сам поймёт: человеческие свойства сохраняешь в себе всё меньше и меньше по мере того, как становишься магом. И добавил, что это верно также для моряков, ювелиров и банкиров, — но тут зашевелился мальчик, и Саймон приступил к очищению комнаты, а маг пошёл на рынок за жирным гусём и чем-нибудь ещё, что согдилось бы им на ужин. Пост завершился.

Перевёл с английского Андрей Бударов

Оригинал: Dashiell Hammett, "Magic"

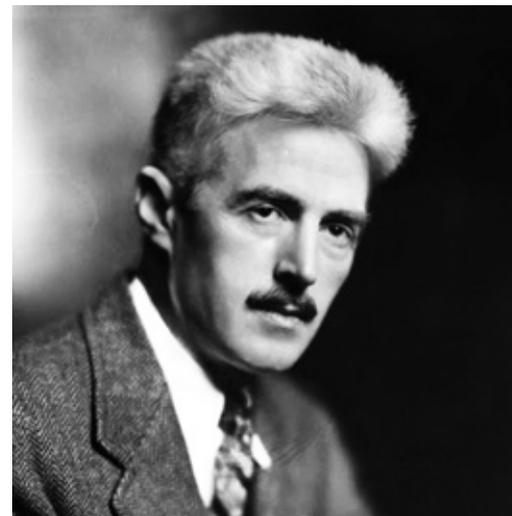
Рассказ впервые опубликован в сборнике «The Hunter and other stories», 2013.

Андрей Бударов Фантастический Хэммет

Нет, это не однофамилец. Перед нами всё тот же Сэмюэл Дэшилл Хэммет (1894—1961), известный американский писатель, один из родоначальников «крутого» детектива, а также первооткрыватель той стилистико-мировоззренческой системы, которую сейчас принято обозначать словом «нуар». Какое отношение он имеет к фантастике?

Самое прямое.

Но обо всём по порядку. Литературная карьера Хэммета заняла всего двенадцать лет (с конца 1922 по начало 1934). За это время им написано пять романов, три повести и более семидесяти рассказов. Большинство произведений публиковалось в дешёвых палповых журналах, но на общем фоне талант Дэшилла Хэммета выделялся так ярко, что оказал влияние и в целом на американскую литературу, и на мировое искусство.

Хэммет произвёл революцию в детективном жанре, отступив от канона рафинированного «аналитического» детектива, сюжеты которого зачастую были умозрительной выдумкой, и показал реалистично, едва ли не документально, настоящие преступления и настоящую работу сыщика (работая в молодости в агентстве Пинкертона, Хэммет на собственном опыте познал, как в действительности происходят уголовные расследования).

Фактически, писатель боролся с фальшью в литературе, с кабинетными фантазиями предшественников по детективному жанру. Его герой тоже всегда крепко стоит на почве рационализма. Встречая мистические явления, он разоблачает их как наведённые иллюзии и уловки шарлатанов. Исключения единичны. Но даже когда автор описывает фанатика, убеждённого в том, что его действия направляет божественная воля, для объяснения происходящего можно не привлекать фантастические допущения.

Впрочем, хотя Дэшилл Хэммет неуклонно опровергал существование сверхъестественных явлений, он пробовал взглянуть на мистические силы и с другой стороны: составил в 1931 году антологию «хоррор»-рассказов *Creeps By Night: Chills and Thrills* (можно перевести как «Ночные мурашки: озноб и дрожь»), которая неодно-

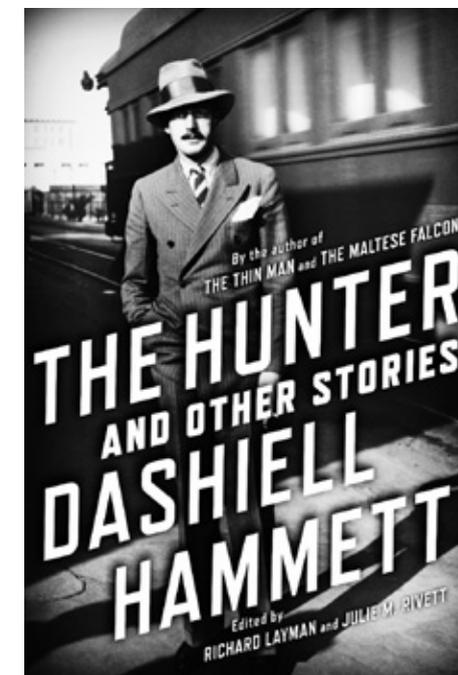
кратно переиздавалась и публиковалась на других языках.

Но в собственном хэмметовском творчестве есть лишь одно отступление от прагматичного взгляда на мир.

В середине ревуших двадцатых Дэшилл Хэммет написал рассказ «Магия» — и это единственное его фантастическое произведение. До недавнего времени оно оставалось для читателей неизвестным. Ричард Лэймен, исследователь творчества Хэммета, утверждает, что нет чётких признаков того, что автор когда-либо отдавал «Магию» на публикацию.

Неудивительно, ведь от Хэммета ждали в первую очередь детективов. Покоряясь издательской конъюнктуре, он вновь и вновь обращался к этому жанру. Но в тех произведениях, где у писателя не было необходимости выстраивать детективную интригу и методично показывать ход расследования, его литературная одарённость проявляется гораздо сильнее. Рассказ «Магия» служит этому новым подтверждением.

В 2014 году, когда исполняется 120 лет со дня рождения Дэшилла Хэммета, перед русскоязычными читателями предстаёт ещё одна грань его писательского таланта.

Дмитрий Калюжный

Страшная девушка и пришелец

В это летнее утро Мэри Брайн вдруг осознала, что больше не может быть полезной семейному бизнесу.

В журнальчике «El Popular» (всю редакцию которого составляли она, её мать и отец) на ней лежало сочинение статей про инопланетян, про снежного человека Абрама и тайные знания майя (которые она сама и выдумывала для англоязычной версии журнала). А ещё она решала все компьютерные проблемы семейного колллектива.

Её отец Джон кроме общей редактуры, печати и распространения журнала, писал серию приключений женщины-зомби Сатва Галиндо, а мамочка Марджори публиковала гороскопы, толкования снов и рецепты блюд-афродизиаков. Она воровала эту чушь из англоязычного Интернета, переводила на испанский, и считала, что издание держится на плаву исключительно благодаря ей.

К счастью, ни в грош не ставя литературный труд супруга и дочери, Мардж и не тратила времени на чтение их статей, а потому Джон беззастенчиво срисовывал с неё придуманную им с нуля ужасную женщину-зомби, а дочь по мере сил помогала ему в создании этого литературного монстра.

Отец честно признавал, что по умению фантазировать Мэри его превосходит.

Они были американцами, сбежавшими из Техаса после того, как новый губернатор штата вчинил Джону иск о неуплате налогов. Да, с налогами вправду были проблемы, но на деле губернатор злобствовал оттого, что в ходе предвыборной кампании Джон Брайн, издававший тогда газету в Далласе, ярко выступил против его кандидатуры. А больше всего разозлила будущего губернатора публикация в га-

зете фальшивого гороскопа: будто звёзды мало расположены к нему, и если он вдруг победит в выборах, то доведёт весь штат до ручки, а население — до сумы и тюрьмы. В итоге тюрьма стала жуткой перспективой для самого Джона — что, кстати, подтверждало правдивость гороскопа.

Брайны взяли ноги в руки, всей семьёй переселились в Гватемалу, и основали здесь журнал «El Popular», благо, испанский для них был вторым родным языком.

И вот сегодня, прекрасным, казалось бы, утром прекрасного дня Мэри поняла, что тема инопланетян исчерпана ею досуха, как немного раньше — тема снежного человека, и при всей своей фантазии она уже не может сочинить про них ничего нового.

Но чем-либо другим, что давало бы деньги, она заняться не могла!

Имея недоверчивый, логический, едкий ум, Мэри, увы, была невыразимо страшна. Серая бугристая кожа лица навевала мысли о больнице; жидкие волосёнки мышинного цвета не укладывались ни в какую причёску; очки с толстенными линзами совсем не делали краше её мелкие косые глазки. Её кривоватые зубы, с трудом прятавшиеся за бледными тонкими губами, можно было бы похвалить разве что за их длину; грудь у неё отсутствовала вовсе, а спина была сутулая. Про ноги лучше не вспоминать.

Мэри понимала: при таких внешних данных ей, североамериканке, при всём её умище не найти работы в латинской стра-

Дмитрий Калюжный родился в 1952 году. Окончил Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. С 1983 года, помимо основной работы, стал заниматься журналистикой. Сотрудничал с редакциями различных изданий: «Крокодил», «Московский комсомолец», «Литературная Россия», «Литературная газета», «Российские вести», «Независимая газета», «Алфавит» и другими. Соавтор книг серии «ХроноТрон», в которых исторический процесс рассматривается с точки зрения отдельных видов человеческой деятельности: искусства, науки, литературы, военного дела. Член Международного сообщества писательских союзов. Член Союза журналистов России.

не. Из-за тех же внешних данных у неё не было никакой личной жизни, кроме той, что она вела в соцсетях.

Короче, ей ничего не оставалось, кроме как сочинять сказки об инопланетянах для «El Popular», но она уже решительно не знала, что про них ещё можно сочинить. К тому же было жалко пропадать в девках. Вот почему в это прекрасное утро она, забросив работу, размышляла, по какой такой причине пресса, поднимая столько криков о правах геев на ненормальный образ жизни, ни словом не защищает права страшных девушек на нормальную жизнь. Почему анонимные алкоголики легко сбиваются в стаи, а Обществ некрасивых девушек нет ни в одной стране мира?.. «Надо поднять эту тему в нашем журнале», думала она.

В разгар её драматических размышлений в кабинет ворвался отец и привёл за собой мужчину с большущими усами.

— Мэри! — воскликнул он. — Этот парень говорит, что он — инопланетянин. — И добавил со значением: — Не забудь, последний срок сдачи материала — завтра.

— Квет Сантос, — представился мужчина.

Квет Сантос прошёл полный курс наук на своей планете, после чего прибыл на Землю, прошёл акклиматизацию в тайной от землян колонии в горах Сьерра-Мадре, и затем в одиночку отправился в годичный тур, чтобы познать жизнь людей в реале, а не только в виртуале. По окончании путешествия он собирался учиться в Йельском университете, чтобы уже дома посвятить остаток жизни анализу состояния земной науки.

В кармане у него лежал настоящий мексиканский паспорт, на счету в банке — настоящие американские доллары. И кстати, тайна денег особо интересовала Квета: он намеревался изучить их значение в общественной и личной жизни землян.

У жителей его планеты проблемы Земли были на периферии внимания. Да и пу-

скали сюда весьма немногих, в основном учёных. Причина была проста: все знали, что на Земле жизнь организована ненормально, и была опасность занести эту ненормальность к себе. А кому это надо?

Ненормальность землян была каким-то образом связана с деньгами. Учёные его планеты головы себе сломали, пытались понять, в чём секрет. Накопилась уже масса свидетельств: имея руки, ум и умение объединяться ради трудового взаимодействия, имея даже материальные ресурсы, — земляне то воевали, то сидели в нищете. Они повсеместно страдали от безработицы, хотя потребность в выполнении конкретных работ никуда не девалась! Люди умирали от голода и безделья, и ждали денежных инвестиций: вот придёт добрый дядя, вложит деньги в экономику, и начнём мы, наконец, ребята, работать!

Это выглядело чистым сумасшествием.

Почему бы им не создать достаточного количества денег, чтобы оплачивать больше рабочих мест?.. Им же надо оздоровить природу, воспитать невоспитанных, обучить необученных и вылечить больных!.. Учёные планеты Квета Сантоса выдвинули тучу теорий, вроде бы объясняющих загадку: монетарную, психическую, феноменологическую и бихевиористическую.

Квет был сторонником феноменологической теории.

В своём путешествии он пытался, воздействуя на разум отдельных земных особей, изменить ситуацию, или хотя бы её понять.

— Я знаю доподлинно, — объяснял он тем встречным, кто соглашался его слушать. — Счастливы не те, кто стремится стать богаче других, а те, кто работает ради пользы других. Ведь и другие позаботятся о них!

— Вот когда мне кто-то доброе сделает, — отвечали ему, — то и я подумаю.

— Человек вроде машины, — говорил Квет другим, образованным. — Потребляя энергию, он вынужден и расходовать энергию. Отчего же он не расходует её,

помогая немощному соседу, а бездарно тратит в пустых развлечениях?

— Тебе бы родиться во времена святого Фомы, — снисходительно похлопывал его по плечу образованный. — Нынешнюю цивилизацию двигает вперёд индивидуализм.

— Куда двигает-то?

— Куда надо, туда и двигает.

Даже говоря об искусстве, Квет ухитрялся помянуть деньги. Взять, например, телесериалы. Во всех них проблемы героев возникают оттого, что мало денег. Варианты: разнополые особи, находясь в репродуктивном периоде своей жизни, из-за отсутствия денег не могут приступить к процессу деторождения. Представители разных поколений одной семьи травят друг друга в расчёте на наследство, потому что на всех — мало денег. Полные сил мужчины среднего возраста планируют и осуществляют преступления ради денег: если их мало, женщины к себе не подпускают...

— Как же это может быть, чтобы на организацию нормальной жизни не было денег? — удивлялся Квет. — На планете, откуда я пришёл, так не бывает.

— Не верь в далёкие планеты и в летающие тарелочки! — с хохотом отвечали ему.

Какой-то бродяга в Сан-Педро спросил:

— А лично ты стал бы работать, если бы имел до хрена денег?

— То есть, если бы их у меня было в достатке? — уточнил Квет.

— Да, вот именно, — с издёвкой согласился бродяга.

Квет издёвки не понял:

— Я не нуждаюсь в деньгах, но работаю, — сказал он, — а ты нуждаешься и не работаешь, — и дальнейшей беседы у них как-то не получилось. Бродяга долго плевался, а когда Квет решил уйти и отвернулся, пнул его ногой в... в брюки сзади, в общем.

Путешественник стал склоняться к мысли, что правы сторонники психической теории. Войны, безработица, отравление

природной среды и нищета происходят на Земле от общей психической испорченности человечества!

Добравшись до столицы Гватемалы, Квет поменял деньги на кетцали, купил местной прессы и заселился в отель «Панамерикен». Отужинав, занялся чтением, и обнаружил, что журнал «El Popular» наполовину посвящён инопланетянам. Но информация об инопланетянах оказалась настолько недостоверной, что даже он, убедившийся уже в психической несостоятельности и лживости людей, был поражён.

Однако этот журнал можно было использовать для выполнения ещё одного пункта его плана — изучения путей и скорости распространения честной информации в лживом обществе. Квет посмотрел адрес: улица де Кеведо, 12.

Утром уточнил на ресепшене, где находится эта улица, и отправился в редакцию.

Тем утром Джон Брайн добивал описание поездки на Огненную Землю, где якобы он, Джон, был и лично встречался с женщиной-зомби Сатва Галиндо, когда в редакцию «El Popular» вошёл высокий юноша в усах и тёмных очках. Услышав от него, что он — инопланетянин, Джон быстро сплавил сумасшедшего дочери, заодно напомнив ей о сроках сдачи статьи про инопланетян, и вернулся к работе.

Квет оказался в небольшой комнате, где у стены лежали кучей старые номера журнала, а за компьютерным столом сидела Мэри Брайн, страдая о своём уродстве и о невозможности придумать что-то новенькое об инопланетянах.

Она мгновенно просканировала его: подобно ей, он тоже урод и тоже умный. Длинный, нескладный. Глаза прячет за очками. Так-так. Богатая шевелюра — наверняка, чтобы скрыть уши. Отрастил усы, наверное, потому что губа дефектная. Хорошо мужикам, они могут носить хоть

бороду, хоть усы. А мне, куда мне девать мой косоый подбородок? Хотя с бородой я вряд ли стану краше...

Интересно, что ему надо?

— Вы много пишете об инопланетянах, — сказал Квет. — А я — инопланетянин.

Молодец парень, сразу хватъ быка за рога! — подумала Мэри, включая диктофон. — А я чем не инопланетянка? Это же решение всех моих проблем! Немного подзеленить кожу, и готово. Вдвоём с этим красавцем такого зададим шороху, никому мало не покажется...

Инстинкт властно требовал привлечь внимание красавца к ней самой, как личности. Заранее зная, что попытка поиграть косыми глазками или красиво положить ногу на ногу окажется провальной, она стала давить интеллектом.

— Я прочитала практически всё, что написано об инопланетянах, — сказала Мэри строгим голосом. — Из большинства описаний следует, что инопланетяне — маленькие человечки, часто зелёного цвета. Вы не такой, Квет Сантос. Нам с вами надо разобраться в этом противоречии.

Квет усмехнулся:

— А у нас имеются описания земель, что они — чёрного цвета и кучерявые. По другим данным, они желтоватые с прямыми чёрными волосами. А вы совсем не такая... Те, о ком вы говорите, зелёные — всего лишь одна из рас, населяющих нашу планету.

У Мэри захватило дух.

— Точно! — прошептала она. — Как же никто до этого раньше не додумался?

— Расы на Земле, — продолжал Квет, — образовались из-за разницы в условиях проживания. Где-то жарко, где-то холодно. Где-то сухо, где-то — повышенная влажность. В горах меньше кислорода, на побережьях больше йода... А у нас на планете разброс условий более резкий, были местные мутации, и потому расы отличаются сильнее.

— Так-так... А скажите, Квет, вы на своей планете кофе пьёте?

— Кофе? Нет, у нас другие напитки. Но я на Земле кофе пробовал.

— Вам налить?

— Хорошо, налейте, — с ноткой сомнения сказал он.

Мэри отправилась варить кофе. Она понимала, что парень валяет дурака, но как талантливо валяет! Заглянула в кабинет отца, похвасталась:

— Паpusик! Будет классный материал! Представляешь, он...

— Иди, дочка, работай, — отмахнулся Джон. Ему не хотелось отвлекаться. Его героиня, Сатва Галиндо, как и всякая женщина-зомби, для каждой кухонной операции держала особую посуду. Например, у неё был отдельный котёл, куда она выдавливала кокосовое масло. А теперь она собиралась жарить в масле русского путешественника Степана Лошадкина, яхту которого занесло на Огненную Землю ниспадающим пассатом. Проблема была в том, что она не могла бы жарить его в том же котле, куда выдавливала масло, и Джон мучился, придумывая, в какую посуду слить масло.

...Пока пили кофе, Квет спросил:

— Почему вы публикуете выдумки о нас?

— О ком «о вас»?

— Об инопланетянах.

— Ах, да! Извините. Мы, Квет, издаём журнал. Существует за счёт продаж и подписки. Люди встревожены, они хотят знать про инопланетян. Мы удовлетворяем спрос.

— То есть, распространяете выдумки ради денег.

— А вы мне сегодня что рассказываете? Правду, что ли? — засмеялась Мэри.

— Правду, чистую правду. Заинтересует ваших читателей правда?

— Да! Например, наши читатели захотят узнать, есть ли на вашей планете межрасовые браки, — сказала Мэри, и глазки её заблестели.

— Конечно, — удивился он. — Почему нет? Например, женщины тех, кого вы называли зелёными человечками — не такие уж они, кстати, зелёные — очень популярны у наших белых и чёрных. И наоборот, чтобы зелёный мужчина брал в жёны белую женщину, почти не бывает — из-за разницы в росте. А чёрных берут.

— Как это тонко! — млея Мэри. — А генетических уродств от таких браков не бывает?

— Насчёт уродств... — он внимательно оглядел её, так, что она даже поёжилась, отлично понимая, что в её внешнем виде можно найти несколько недостатков. — Насчёт уродств мы с вами вот что сделаем, — и он вынул из кармана куртки небольшую спиральку, с виду металлическую, с головкой вроде напёрстка.

— Что это? — спросила она.

— Выносной блок айюна, — ответил он, — такой электронный прибор. Сейчас мы с его помощью проведём небольшую генетическую коррекцию. Это, правда, не рекомендуется для землян, но в вашем случае можно. Вложите-ка вот сюда свой пальчик.

Она от восхищения растянула губы, обнажив сразу все свои зубищи: ну, артист! Как чётко давит достоверностью! С ним обязательно надо подружиться. Но нельзя забывать и о сроках сдачи статьи, а материал для неё сначала нужно собрать.

Она спросила, засунув палец в спиральку:

— Расскажите, Квет, как вы уживаетесь с другими инопланетянами. Вы с ними не воюете в Космосе?

Квет сначала не понял, потом рассмеялся:

— Мэри! С кем воевать-то?! Не с кем! Мы даже на своей планете не воюем. Нас ведь на самом деле мало. Делить нам нечего...

— Это никуда не годится, — нахмурилась Мэри. Она была разочарована. Вот тебе и умный! А такую простую вещь не понял: версия, прежде всего, должна вызывать доверие читателя. А если нет войны, то кто поверит? — Не может быть, что во всей Вселенной только две планеты с разумной жизнью, вы и мы! — воскликнула она.

— Почему две? — удивился Квет. — Кто сказал, что две?.. Мэри, надо аккуратнее обращаться с терминами. Планет с разумной жизнью вообще не бывает, и быть не может. Бывают планеты, населённые разумными существами. Это, знаете ли, большая разница.

— Неужели?

— Конечно, — пожал он плечами. — Возьмите любой учебник истории вашей собственной цивилизации и поищите, где там разумная жизнь. Или почитайте газеты. В лучшем случае вы найдёте разумно организованную жизнь, и то локально и редко.

— Ой! — воскликнула она.

— Что?

— Палец защипало.

— Хорошо, — сказал Квет. — Значит, анализ уже закончен, идёт корректировка.

И продолжил объяснения:

— Разумные цивилизации, достигнув могущества над неразумной природой и даже совершив полёты в Космос, если не гибнут от космических причин, то неизменно уничтожают сами себя. Неизменно. Всегда. Я не знаю ни одного исключения.

— А-а-а! Вот она, накладка! — и Мэри весело погрозила Квету узловатым пальчиком с насаженным на него инопланетным прибором. — А как же ваша цивилизация?! Тут кое-что придётся подкорректировать, милый Квет. Давайте напишем так...

— Как, подкорректировать? — изумился Квет. — Вы всё же думаете, что я вам

фантазии излагаю? Если непонятно, спрашивайте, я объясню. А корректировать ничего не надо!

Умная Мэри сообразила, что её собеседник всё продумал от и до, и сначала нужно понять его версию, а потом добавлять подробности. Что ж, прикинемся пай-девочкой.

— Тогда расскажите, — попросила она, складывая ручки на коленочках, — как уцелела ваша цивилизация.

— Мы с вами одно человечество, — пояснил он. — Просто мы та часть, которая получила второй шанс. То есть можем жить, учитывая опыт других. Здесь, на Земле, люди уже достигали технического могущества. Был изобретён принципиально новый способ передвижения, при помощи магнитного монополя. Практически мгновенный переброс материи в пространстве на любое расстояние, без вреда пилоту. Запустили небольшую группу. Она нашла ту планету, где мы теперь живём. Обжились, подготовили города для переселения, отправили экспедицию на Землю, а тут уже всё было кончено.

— А почему?!

— Два гигантских метеорита подряд... С интервалом примерно лет в пятьдесят. Первый сместил земную ось. Цунами, прошедшие по планете, смыли людей побережий. В ожидании второго столкновения остатки населения строили мегалитические стены в горах, чтобы спастись — эти стены до сих пор кое-где сохранились — но не успели. Теперь уцелели только дикие жители далёких от побережий равнин и гор.

Мэри, уж на что привычная к подобным выдумкам, едва не всплакнула!

— Новое земное человечество, сменившее то, что послало нас в Космос, мы называем «Дряги», что в переводе значит «Сорная трава», — продолжал Квет.

— Так-так, — сказала Мэри. — А наш знаменитый современник Рэй Сейчел пишет... — она пощёлкала клавиатурой, нашла нужный файл, прочитала с экрана: «В

действительности нет существенного различия между инопланетянами и людьми, поскольку длительное время Землёй генетически манипулировали различные инопланетные расы». Тоже хорошая версия!

Квет отмахнулся:

— Откуда ему знать. Никто вами не манипулировал, выдумки это.

И дальше рассказал молодой журналистке историю своей планеты. Как с небольшой группы людей началась там цивилизация. Как жили в чистых, не урбанизированных условиях. Как шло расселение и эволюция, как возникали религиозные верования и табу — вроде запрета на полёты к Земле. Как в целях улучшения генофонда полёты однажды начались, и насколько лживы легенды о «похищениях людей»...

Квет говорил, а Мэри буквально стонала от наслаждения — это же надо, какая у парня фантазия!.. Ей бы ни за что не придумать столь последовательной и красочной версии, а ведь она-то посвятила описаниям инопланетян всю свою сознательную жизнь!

Квет велел Мэри вынуть палец из спиральки:

— Коррекция закончена.

— А вы откуда знаете? — спросила она, надеясь подловить его на том, что он поступает спонтанно. Напрасно, он тут же нашёл ответ:

— Айюн — часть меня. Он врос в разные точки моего тела, сигналы идут по нервным волокнам. Когда программы или процедуры оканчиваются, я получаю сигнал.

Мэри вздохнула, думая о том, что он, всё-таки, молодец. Ни на чём нельзя поймать. Спросят: почему ты, инопланетянин, генетически сходен с людьми? А мы одной крови, вы и я... Неубиваемый аргумент. Гениально. В отличие от отца, который в доказательство правдивости своих рассказов о женщине-зомби Сатва Галиндо может предъявить лишь несколько поддельных фотографий, у неё будет живой инопланетянин!..

Палец, побывавший в приборе генетической коррекции, саднило. Во всём своём уродливом теле Мэри чувствовала приятную ломоту. Вдобавок, разговор явно удался!

Она подключила диктофон к компьютеру, дала команду перевести звук в текст. Потом вычитывали вместе с Кветом, уточняли неясные места, вносили правки.

— А у инопланетян есть компьютеры? — спросила Мэри.

— Да вот же, айюн. Я только что о нём говорил! Встроенный в человека компьютер.

— Так-так, — сказала Мэри. — Классная придумка. Надо об этом подробнее. Как им управлять? Клавиатура, мышка?

— Виртуальный пульт. Вам его не видно, а я вижу и управляю пальцами и голосом. Вот, например, в тексте слово «Дряги» переведено как «сорная трава». Это может обидеть ваше человечество. При помощи айюна мы изменим перевод на «молодые побеги».

Квет зашевелил в воздухе пальцами. Это было смешно, и Мэри поневоле прыснула.

— Нет, Квет, не надо ничего менять, — сказала она. — Чем больше оскорблений для человечества, тем выше будет рейтинг статьи.

— Как? — удивился Квет. — Вы, люди, не только всё время врётё, но и любите, когда вас оскорбляют?

Ему уже было не очень интересно. Точное написание слова «Дряги» и ещё двух-трёх, вовремя ввёрнутых в разговор слов, было для него важным делом; по ним он собирался отслеживать, как пойдёт по Земле вброшенная им информация. Теперь, закончив это важное дело, он уже не видел причин оставаться здесь. Спросил, можно ли взять несколько номеров журнала, чтобы перевести статьи из них и опубликовать у себя на планете.

— Да, конечно, — разрешила Мэри, смеясь, и на один сентаво не веря, что Квет с другой планеты. А увидев, что он и вправду намерен уйти, перешла к более насущному:

— Это прекрасный материал для статьи, но чей он? Или мы его публикуем под вашим именем, или под моим, но тогда нужно подписать договор о передаче авторских прав.

— Оформите как ваше интервью с инопланетянином.

— А визитку с вашими контактами дадите? Как нам созвониться, встретиться?

— Я, может быть, сам зайду.

Он был уже в дверях, когда она осмелилась, и таки задала вопрос:

— Как вы относитесь к браку... ну, пришельца и земной девушки?

— Пока никак. — Внимательно осмотрел её, сказал туманно: — Сначала посмотрим, что получится.

Остаток дня Мэри, взяв за основу диктофонную запись, писала статью. Работа шла легко. Она расцвечивала интервью яркими деталями; где надо — вставляла блёстки юмора, где надо — загадочно обрывала фразу. В общем, оформляла выдумки Квета Сантоса так, чтобы читатель всё-таки догадался, что это выдумки. Может быть, впервые за всю её короткую журналистскую карьеру ей не хотелось тупо врать.

Она увлеклась настолько, что не обращала внимания на странности своего физического состояния: у неё зудела кожа, ныли зубы, постреливало в суставах.

С некоторым изумлением она обнаружила, что перевод инопланетного слова «Дряги» стал иным: вместо «сорная трава» было написано «молодые побеги». Но она точно помнила, что Квет Сантос и близко не подходил к её клавиатуре! Исправив перевод, продолжила работу. Из неведомых глубин памяти сами собой выскакивали блестящие литературные решения, аналогии, слова, иногда даже стихи.

Когда вошёл отец, уже стемнело. Мэри темнота не мешала. Очки, без которых она раньше и за компьютер-то не садилась, ва-

лялись, ненужные, в стороне.

— Чего сидишь в темноте? — спросил от двери Джон Брайн и включил верхний свет. Она, радостная, повернулась к нему, чтобы сказать о законченной статье, а он закричал:

— Кто вы? Что вы делаете за столом моей дочери?

— Папа, ты чего? — удивилась она. — Это ж я.

На крик Джона прибежала Мардж:

— Чего тут у вас?

— Смотри, смотри! — Джон тыкал пальцем в сторону Мэри. — Кто это?

— Как это «кто»? — Мардж, приглядываясь, подошла к Мэри. — Как это?.. Доченька! Что с тобой? — и неспроста: у доченьки округлилось лицо, исчезло косоглазие, выпрямились ноги и спина.

— Это не Мэри! — кричал Джон. — Приглядишься, какая-то чужая девка.

— Чтоб я своего ребёнка не узнала, — огрызнулась Мардж. — Я её всегда такой и представляла.

Мэри метнулась к зеркалу и застыла перед ним, разведя руки:

— Это я? Я? Такая?

И тут до неё дошло, что случилось. Она произнесла страшным шёпотом:

— Это правда! ОНИ ЗДЕСЬ.

— Кто? — спросила мать.

— Пришельцы.

— Брось, дочка, нет никаких пришельцев, — отозвался Джон, стараясь не глядеть на неё, поскольку если глядеть — то нельзя поверить, что это Мэри. Лучше слушать. Но и голос тоже изменился, исчезла её всегдашняя шепелявость.

— ОНИ среди нас! ОНИ без приборов лезут в наши компьютеры! ОНИ нас менают! Обзывают «сорной травой!» — бормотала Мэри. — И не хотят брать нас в жёны!

Она обхватила своими красивыми руками свою красивую голову и зарыдала в голос.

Консультанты

Легион умирал. На правом фланге, смятом, растерзанном непрерывными атаками, сопротивление уже прекратили. На левом уцелевшие отступали, жертвуя преследующим варварам остатки прикрывающих центурий. И лишь в центре, там, где сражалась первая когорта, не отступали и не сдавались. В центре умирали ветераны — молча, по команде, не сходя с места.

Десятник Сервий Луций Барб умирал из своей десятки последним. Увернулся от брошенного в него копья, другое принял на щит. Рубанул мечом — рослый рыжебородый германец рухнул с раскроенной грудью навзничь. На его месте тотчас же возник другой — коренастый, с налитыми кровью глазами. Страшенный шипастый моргенштерн описал в воздухе полукруг, сокрушил легионерский щит, расколол его пополам. Римлянин не устоял на ногах, пал на колени, кольнул вслепую перед собой. Последнее, что он увидел, была летящая в лицо боевая стрела.

Сервий не знал, сколько времени прошло, прежде чем он очнулся. Удивился, что не чувствует боли, затем осторожно открыл глаза и едва удержался от изумлённого возгласа. Помещение, в котором он находился, не походило ни на что, ранее виденное. Прямоугольное, строгое, с высоким потолком и окном во всю стену. И — белое, идеально матово белое, словно ещё нетронутый, едва выпавший поутру снег. Белым оказалось и ложе. И подстилка, и наброшенное на Сервия покрывало. И ткань, которой были замотаны его руки.

Сервий рывком вскинулся на ложе. Боль, отсутствию которой он удивлялся, мгновенно дала о себе знать — прострелила и пошла гулять по телу, жадно глодая вну-

тренности. Сервий сдержал стон, замер, дожидаясь, пока боль уйдёт. Потом осторожно, в три приёма, поднялся на ноги. Прodelал к окну шаг, другой, солнечный свет резанул по глазам. Легионер зажмурился, а когда разлепил веки, не удержался — ахнул изумлённо. Строения в десятки этажей, подобных которым он никогда не видывал, кололи крышами небо и застилали горизонт. Гигантская серебристая стрелкоза стремительно прочертила в воздухе прямую и столь же стремительно скрылась за ближайшей постройкой. Со стен величественного, копьём вздымающегося в облака здания полыхнуло светом.

Легионер опустил глаза. Понизу строения разделяла сетка дорог, хотя Сервий и не сразу понял, что это дороги. По ним двигались непрерывным потоком удивительные разноцветные повозки, но сколько Сервий ни всматривался, разглядеть тянущих эти повозки лошадей ему не удалось.

— Приветствую тебя, — раздался вдруг голос за спиной.

Легионер резко обернулся. В дверях стоял одетый в диковинную тунику человек. Поджарый, длинноногий, с коротко стриженными тёмными волосами.

— Меня зовут Валерий, — поджарый улыбнулся. — Прекрасный день сегодня, ты не находишь?

Латынь, на которой изъяснялся Валерий, была несколько необычна. Чересчур правильна, хотя и с акцентом, понял секунду спустя Сервий.

— Где я? — хрипло спросил он. — Что это за провинция?

Назвавшийся Валерием незнакомец расхохотался.

— Ты не в провинции, — сказал он, отсмеявшись. — Ты в России, это страна к северу от Рима. Мы с тобой в городе под названием Москва.

Иван Глотов родился в п. Берёзово Витебской области, в настоящее время живёт в Москве, преподаёт литературу в лицее. Женат, двое сыновей.

Сервий понурился. О такой стране он не слыхал, о городе — тем более. Суть вещей, однако, он понял.

— Значит, меня продали в рабство, — угрюмо произнёс легионер. — И ты — мой господин. Знай — я никогда не буду рабом и слугой тебе. Прошу оказать мне честь и позволить заколоться.

Валерий вновь рассмеялся, на этот раз беззвучно.

— Так уж сразу и заколоться, — сказал он беззлобно. — Давай лучше для начала пообедаем, а там я тебе расскажу, что к чему.

Уставленный яствами передвижной стол на колёсах появился, казалось, сам собой — вкатился в помещение, будто ждал за дверьми. Сервий сглотнул слюну, уселся на ложе и в следующий миг набросился на еду. Ничего подобного и более вкусного он в жизни не пробовал. Он даже не сумел толком определить, что именно отправлял в рот.

— Полегче, полегче, — благодушно приговаривал Валерий. — Ты, дружище, с приличной голодухи. Не увлекайся. Вот послушай пока. Тебе повезло, мы тебя вытащили за секунду до смерти.

— Кто «мы»? — не прекращая жевать, осведомился Сервий.

— Темпоралы. Ты угодил в темпоральную ловушку. Не думай об этом, ты сейчас всё равно ничего не поймёшь. Потом, когда пообвыкнешься у нас, я тебе разьясню, если захочешь. Так или иначе, ты нужен нам.

— Почему я?

— Ну, не то чтобы именно ты. Нужен был человек твоей эпохи, с твоим опытом, фотогеничный...

— Какой? — едва не подавившись десертом, поразился легионер.

— Неважно, — отмахнулся Валерий. — В общем, мы искали такого парня, как ты. Ухлопали, между прочим, кучу денег,

цены на ловушки кусаются, прах их раздери. Так что тебе придётся отработать.

Сервий отпихнул от себя блюдо с фруктами.

— Я уже сказал, что не стану работать на тебя, — проговорил он гордо. — Ни на полях, ни в каменоломнях, нигде. Ты можешь приказать умертвить меня прямо сейчас.

— Ты слишком горяч, — посерьёзnel Валерий. — Работа непыльная, спину гнуть не придётся. Ты нам нужен как консультант.

Сервий попробовал незнакомое слово на вкус. Было в нём нечто римское, и звучало оно достойно. Не хуже, чем «консул».

— Что значит «консультант»? — спросил он угрюмо. — И где я буду жить? И как?

— Совсем другое дело, дружище, — разулыбался Валерий. — А то заладил — «заколоть, умертвить». Жить будешь, как у Христа за пазухой. Ну, не хмурься, не хмурься, со времён Тиберия многое изменилось, отношение к Христу теперь несколько иное, чем у вас. В общем, будешь жировать в доме с другими консультантами, но в отдельной комнате. Все удобства, между прочим: разделённый санузел, кондиционер, телевизор, интернет... Это всё отличные штуки, поверь. А что придётся делать, я тебе сейчас покажу. Пойдём, приятель.

Показанное оказалось настолько диковинным, что затмило всё доселе виденное. На покрытой белой тканью стене сменяли друг друга картины, писанные, по всему видать, искуснейшими художниками. На картинах был Рим. Тот Рим, в котором декан Сервий Луций Барб родился и прожил тридцать четыре года. Капитолийский холм и Марсово поле. Большой цирк и Колоссеум. Триумфальная арка Тита и Театр Помпея. Затем изображения Вечного города сменил римский походный лагерь. Тессерарии проверяли караул, тубицены трубили зарю, имиджиниферы строем несли воинские штандарты.

— Понравилось? — поинтересовался Валерий, когда в тёмном до того помещении стало светло и картины с покрытой белой тканью стены исчезли. — Это пока фрагменты, дружище. Сейчас я прокручу ещё раз. Твоя задача — определить, что здесь не похоже на настоящее, на то, как бывает на самом деле.

Ненастоящим при внимательном взгляде оказалось почти всё. И покрытие Аппиевой дороги, и строения на Эксвиллинском холме, и одежда горожан, и доспехи триариев и гастатов.

— Молодец, — похвалил Валерий. — У тебя цепкий глаз, то, что нам и надо. Так что работёнка у тебя будет, дружище. Вон сколько всего заметил, а мы ещё, считай, к батальным сценам не приступали.

Отряд самарийских повстанцев напорлся на вражескую конницу случайно. Обогнув высокий, с крутыми склонами и острой вершиной холм, маккавеи столкнулись с всадниками лицом к лицу.

Стычка оказалась короткой. Застигнутые врасплох повстанцы в минуту были окружены, смяты и раздавлены. Опёршись спиной об отвесный базальтовый склон и намертво зажав в кулаке рукоятку боевого меча, предводитель отряда Илай Бар-Лейб готовился умереть. Три всадника, образовав полукруг и, выставив перед собой копья, надвигались на него.

«Одного я заберу с собой, — собравшись, подумал Илай. — Вон того, что слева, — принял он последнее в жизни решение».

Бар-Лейб оттолкнулся от склона, рванулся, поднырнул под метнувшееся к нему копье, коротко взмахнул мечом. Страшный удар в затылок не дал завершить движение, сбил Илая с ног, швырнул лицом вниз на землю, меч отлетел в сторону. Хрипя и задыхаясь, маккавей успел перевернуться на спину, чтобы принять смерть достойно, и в следующий момент в глазах у него померкло.

Очнулся Илай в белом прямоугольном помещении с окном во всю стену.

Рядом с его постелью сидел горбоносый, смуглый мужчина в чёрном одеянии, с блестящей через разрез рубахи золотой цепочкой с могоендовидом.

— Меня зовут Арон, — представился горбоносый. — Нет-нет, не Аарон, а именно Арон. Наши имена, как и обычаи, несколько изменились с твоих времён.

— Чьи «наши»? — выдавил из себя Илай.

— Иудейские.

Арамейский Арона разительно отличался от того, на котором говорили в Самарии. Илаю с трудом удавалось разбирать слова.

— Где я? — спросил он.

— В России. За много стадиев и много лет от Иудеи и Кесарии. Мы спасли тебя от верной смерти и рассчитываем на твою благодарность. Ты рад?

— На всё воля Божья, — сурово сказал Илай. — Есть ли здесь храм, в котором я могу помолиться Господу?

— Храм есть, — кивнул Арон. — По местным обычаям он называется синагогой. Я позабочусь, чтобы тебе позволили посещать её, возносить молитвы, соблюдать субботу и так далее. Взамен нам понадобятся твои консультации.

— Что значит «консультации»?

— Советы. Я сотрудник темпорального отдела большой кинокомпании. Тебе пока ни к чему подробности. Скажу только, что компания будет снимать сериал о древней Иудее. С пейзажами, бытом, сражениями и прочим. Современного зрителя на мякине не проведёшь, все требуют достоверности. Поэтому в тебя и вложились, так что считай, тебе повезло. Жить будешь, как вашим, обрезанным, и не снилось. Поработаешь пару лет, отобьёшь долг. Бог даст, и деньжата появятся. Работа хорошая, можно сказать, для интеллигентов.

— Я не понимаю тебя, Арон, — признался Илай. — Я — не работник, я — воин.

— Так станешь работником, большое дело, — буркнул Арон сердито. — Если есть голова на плечах, можно хорошо устроиться где угодно. Воин, не воин. Поболтаешься, попривыкнешь, парень ты видный, найдёшь девушку из хорошей семьи. Или, может, я познакомлю. Ладно, давай не будем забегать вперёд. Сейчас тебя накормят. Всё кошерное, сам доставал, позаботился о тебе. Брось, можешь не благодарить. Заморишь червячка и за работу, а там видно будет.

Дом для консультантов, называемый на местном наречии общежитием, на первых порах Сервия поразил. Диковинным было всё — от превращающего ночь в день освещения до прямоугольных устройств с мелькающими картинками. Да с какими, куда там полотнам из галереи Лукулла, в которую Сервий заглядывал по юности. Одни только картинки названием фильм чего стоили. Половину происходящего Сервий не понимал, но от остального, бывало, то в смех бросало, то в слёзы. Особенно пришлось ему по душе фильмы про войну с чудовищными, изрыгающими

огонь машинами, не чета осадным самбукам, камнемётам и гелеполисам.

За стенами общежития оказалось ещё поразительней. Первые дни Сервий шараялся от мчащихся по земле и по воздуху механизмов, чурался одетых кто во что горазд прохожих. Потом привык. Так же, как постепенно привык к каждодневному нахождению на территории под названием съёмочная площадка. Поначалу царившие там ажиотаж и суэта вгоняли в робость, затем стали раздражать, а потом понемногу вошли в норму. Легионер освоился, и вскоре работа даже стала ему нравиться. Сервий покрикивал на бестолковых, не отличающих боевой меч от сковородки статистов. Отчаянно жестикулируя, бранил едва держащихся в седле актёров. И даже выговаривал сутулому и лохматому, со стёклами на глазах недотёпе, которого остальные называли режиссёром и почему-то побаивались.

— Это ты называешь манипулой?! — перемежая благоприобретённые русские слова с латынью, наседавал на режиссёра Сервий. — Это не манипула, да будет тебе известно. Это стадо жирных свиней. А тот, долговязый, с копьём под мышкой, по-твоему, центурион? От такого центури-

она легионеры разбежались бы в первый же день кампании, а скорее — зарезали бы его в темноте, пока никто не видит.

По вечерам Сервий играл в кости с македонцем Гораном, попивал вино с критянином Аполлодором или упражнялся в вольной борьбе с ассирийцем Ишу. Среди консультантов римлянин вскоре стал авторитетом, для каждого умело находил дружеское слово, мог поддержать в тоске или разделить радость. И лишь от одного — от широкоплечего, черноволосого и черноглазого здоровяка-арамейца, держался поодаль.

Он был вечно хмур, сосредоточен и неприветлив, этот Илай Бар-Лейб. Смотрел исподлобья, тяжело, пристально, и не в глаза, а пониже, в переносицу, словно примеривался, куда лучше ударить. Однажды, столкнувшись с ним на съёмочной площадке, Сервий не выдержал — поймав на себе прицельный угрюмый взгляд, выдержал из-за пояса клинок.

Был клинок бутафорный, картонный — Сервий иногда в охотку размахивал им в массовке. У Илая к поясу крепился такой же, но доставать клинок арамеец не стал. Лишь шагнул вперёд и сказал презрительно:

— Я лично прикончил шестнадцать таких, как ты. И тебя бы свалил, не раздумывая, не будь всей этой мишуры, даже не сомневайся.

Илай махнул рукой, отвернулся и пошёл прочь.

— Это отличный шанс для тебя, — уговаривал Илая Арон. — Фильм будет делать сам Свиридов, — Арон закатил глаза. — «Иудейская война», каково, а? Ах, да, ты не знаешь, она была уже после тебя, и имя Иосиф Флавий тебе тоже ни о чём не говорит. Ладно, неважно. Тебе предлагают одну из ведущих ролей. Симон Бар-Гиора, предводитель сикариев, считай, национальный герой. У тебя прекрасный типаж, и вообще такого в киноиндустрии ещё

не было. Твоему приятелю, кстати, тоже дают роль, вы сыграете дуэтом.

— Какому приятелю? — спросил Илай хмуро.

— Ну, этому красавчику-легионеру. Он будет играть императора Тита. А принцессу Беренику — сама Римма Богорад, помнишь её «Офелию» в Гамлете?

Илай пожал плечами. К фильмам он был равнодушен, а длинноволосую и длинноногую актрису запомнил плохо — в Самарии ему приходилось встречать девушек и покрасивее.

— Что мне за это будет? — спросил Илай. — Если я соглашусь.

— Всё! — с маху припечатал ладонь к столу Арон. — Всё, что пожелаешь. Деньги, женщины, квартира в центре Москвы или где угодно. Захочешь — можешь уехать в Израиль. Слава, почёт, уважение — фильм обещает колоссальные сборы и финансируется без ограничений. В основном, за счёт вашего участия.

— Никак не могу осознать, — Римма Богорад задумчиво тянула через соломинку коктейль, — что вы двое — не современные люди. Если бы не знала наверняка, ни за что не поверила бы.

Они втроём сидели за стойкой в баре. Съёмки «Иудейской войны» подходили к концу. Накануне как раз отсняли сцену изгнания из Рима Береники, которую разлюбил император.

— У меня отвратительное послевкусие, — признался Сервий. — Когда толпа швыряла в тебя нечистотами, я едва не сорвался и не бросился на статистов с кулаками.

— У тебя тоже дурное послевкусие? — обернулась актриса к Илаю.

Маккавей не ответил. Отхлебнул безалкогольного пива из бокала, затем спросил:

— Четыре миллиона это много? Что можно сделать на эти деньги?

— Четыре миллиона ерунда, — авторитетно сообщил поднаторевший в финансо-

вых вопросах Сервий. — То ли дело доля с проката. Вот её нам надолго хватит.

— Ладно, мальчишки, — Римма поднялась. — Пойду. Завтра тяжёлый день. Особенно для тебя, — кинула она взгляд на Илая. — Завтра начнутся съёмки твоей казни. Отвратительное послевкусие мне обеспечено.

— А ты ей нравишься, — проводил девушку взглядом Сервий. — Что, хороша, а?

Помолчал и, не дождавшись ответа, добавил:

— Ты всё ещё прикончил бы меня, не раздумывая, представься такая возможность?

Илай Бар-Лейб наградил римлянина прицельным тяжёлым взглядом в переносицу.

— Здесь не стал бы — нет смысла. Там, у нас — прикончил бы, — сказал он твёрдо. — Мы с тобой здесь, и это неправильно. Каждый человек должен быть на своём месте. Деньги, женщины, слава ничего не меняют.

— Поздравляю, дружище, — Валерий сиял. — Тебя ждёт новый контракт, а меня — комиссионные. Роль Сергия Катилины — ты будто для неё создан.

«Иудейская война» имела грандиозный успех. «Звёздное трио, — кричали о ведущих актёрах репортёры с газетных страниц и дикторы с телевизионных экранов. — Полная, небывалая достоверность событий и адекватность характеров».

На гонорар и долю с проката Сервий купил трехкомнатную квартиру на Неглинной, новую, с конвейера, «BMW» и сейчас присматривал загородный дом в Барвихе.

— Что ж, отлично, — бывший легионер хлопнул Валерия по плечу. — Тем же составом? Что-то я давненько не видел Илая. Как он?

— С ним проблемы, — Валерий помрачнел. — Боюсь, что прежнего состава не

будет. Да и сценарий не предусматривает роли провинциального мстителя.

— Какие с ним проблемы? — нахмурился Сервий. — Что за проблемы могут быть у человека, которого публика готова носить на руках?

Валерий помялся. Затем взглянул на бывшего легионера в упор:

— Он странный человек, — сказал Валерий тихо. — Вернее, уже можно сказать, был странным. Он заплатил компании, вернул все деньги, включая долю с проката. Римма пыталась отговорить, по слухам, плакала, умоляла... Куда там, не стал слушать. Во временных переходах даже секунда дорогого стоит. Так что ему удалось выторговать всего полминуты.

— Какие полминуты? — оторопел Сервий. — Зачем?

Валерий не ответил.

Илай Бар-Лейб оттолкнулся от склона, рванулся, поднырнул под метнувшееся к нему копьё, коротко взмахнул мечом. Всадник с разрубленной наискось от плеча до пояса грудью повалился с коня. Илай крутанулся волчком, прыгнул к следующему. Время, казалось, замедлилось. Илай сделал выпад, острие клинка вошло под завязки шлема.

Маккавей бросился на землю, перекатился, вскочил на ноги. Третий всадник медленно, очень медленно разворачивал коня. Илай, сжав обеими ладонями рукоятку, занёс клинок. И... не успел.

Едва ползущая к нему, подрагивая, стрела вдруг ускорила, со свистом рассекала воздух и ударила Илая в грудь. Другая вошла меж рёбер, третья пробилась предплечью. Илай выронил меч, пошатнулся, упал на колени, затем повалился навзничь.

— Восемнадцать таких, как ты, — прохрипел он в лицо воину, заносившему над ним копьё. — Завоевателей. Я лично. Я и тебя бы тоже — не раздумывая.

Э.Ф. Бенсон Рог ужаса

Последние десять дней Алфубел наслаждался солнцем, какое бывает только в середине зимы на высоте свыше шести тысяч футов. Удивительное для тех, кто прежде считал его лишь бледной, равнодушной тарелкой, проглядывающей сквозь тяжёлый английский воздух, оно сияло в искрящейся синеве от рассвета до заката. По ночам же чистый безветренный мороз заставлял звёзды сверкать подобно бриллиантовой пыли. Перед Рождеством выпало достаточно снега для лыжников, а большой каток, который поливали по вечерам, каждое утро предоставлял свою свежую поверхность для скользящих трюков конькобежцев. Бридж и танцы помогали коротать большую часть ночей, и мне, впервые вкушающему радости зимнего Энгадина, здесь казалось, будто новое небо и новая земля светились, грелись и охлаждались специально ради таких, как я, кто оказался достаточно мудрым, чтобы уехать на отдых зимой.

Но идеальные условия нарушились: однажды днём солнце скрылось в тумане, а в долине поднялся северо-западный ветер, охлаждённый на ледяных склонах. Вскоре посыпал снег, сначала мелкими хлопьями, летящими почти горизонтально под морозным дыханием ветра, а затем крупными комьями лебяжьего пуха. В преды-

дущие две недели судьба наций, жизнь и смерть казались мне менее важными, чем выписывание лезвиями коньков на льду фигур определённых форм и размеров. Но теперь первостепенной задачей стало скорейшее возвращение в отель: разумнее было вернуться самому, чем замёрзнуть во время поисков укрытия.

Я отдыхал со своим двоюродным братом, профессором Ингрэмом, известным физиологом и альпинистом. В последние две недели он совершил пару примечательных восхождений, но в то утро он сказал, что по его приметам, сегодня не будет хорошей погоды. Поэтому вместо того чтобы попытаться взойти на Пиц-Пассуг, он стал выжидать, оправдаются ли его опасения. И вот теперь он сидел, положив ноги на горячую батарею, в холле превосходного отеля, с новейшими поступлениями английской почты. Среди них оказалась брошюра о результатах экспедиции на Эверест, которую он как раз закончил читать, когда я вошёл.

— Очень интересный отчёт, — сказал он, передавая её мне. — Они определённо добьются успеха в следующем году. Только кто знает, что могут скрывать эти последние шесть тысяч футов? Когда вы преодолели двадцать три тысячи, ещё шесть не кажутся большой величиной, но сегодня никому не известно, выдержит ли человеческое тело нагрузки на такой высоте. Она может повлиять не только на лёгкие и сердце, но и на мозг. Могут возникнуть безумные галлюцинации. Более того, если бы я не знал большего, то сказал бы, что однажды с альпинистами уже случалось подобное.

— И что же это было? — спросил я.

— Видишь ли, они считали, что обнаружили следы голых человеческих ступней на значительной высоте. На первый взгляд, кажется, будто это галлюцинация. Что может быть более естественным, чем то, что мозг, возбуждённый от такой высоты, воспринимает определённые знаки на снегу как отпечатки человеческих

существ? Каждый орган напрягается до предела, чтобы функционировать, и мозг захватывает эти знаки и говорит: «Так, я в порядке, я делаю свою работу и воспринимаю эти знаки, и распознаю их как человеческие следы». Представь, что даже на такой высоте он не прекращает работать живо и энергично, так же, как и во сне. Умножь этот стимул, напряжение и возбуждённость, на три, и каким естественным тогда покажется то, что в нём зародятся иллюзии! Чем, в конце концов, является бред, нередко сопутствующий сильному возбуждению, если не попыткой мозга выполнять свою работу под давлением лихорадочных условий? Он так желает воспринимать, что воспринимает вещи, которых нет в природе!

— И всё же вы не думаете, что эти следы голых человеческих ступней были иллюзией, — заметил я. — Вы сказали, что сочли бы так, если бы не знали большего.

Он повернулся в своём кресле и на минуту выглянул в окно. Воздух заполнили густые снежные хлопья, несомые свистящим северо-западным ветром.

— Именно, — сказал он. — Вероятнее всего, эти человеческие следы были настоящими. По крайней мере, они принадлежали созданию, более родственному человеку, чем кто-либо ещё. Я говорю так, потому что мне известно об их существовании. Однажды я довольно близко видел создание, которое, скажем, могло оставить такие следы, — и уверяю, я не хотел бы видеть его ближе, несмотря на своё глубокое любопытство. Если бы снег не шёл так плотно, я бы показал то место, где это случилось.

Он указал в окно, где поперёк долины возвышался огромный Унгехейерхорн с высеченным на вершине утёсом, напоминающим гигантский рог носорога. Лишь по одной его стороне, насколько я знал, можно было осуществить подъём, да и то — лучшим альпинистам, на остальных же трёх бесконечные выступы и обрывы делали его неприступным. Он представлял собой отвесную скалу высотой в две тыся-

чи футов, а под ним было ещё пять тысяч футов обрушившихся валунов, сплошь заросших лиственницей и соснами.

— На Унгехейерхорне? — спросил я.

— Да. Двадцать лет назад он был непокорённым, и я, как и многие другие, потратил много времени на поиск верного пути. Мы, бывало, проводили по три ночи подряд в хижине у ледника Блюмена и обхаживали его кругами. И наконец отыскали этот путь, хоть и не без доли везения, и несмотря на то, что с дальней стороны гора выглядит даже более неприступной, чем отсюда. Однажды мы нашли длинную косую расщелину, ведущую к проходимому выступу, и в ней оказался покатый ледяной кулуар, который можно было увидеть лишь подойдя к его подножию. Но не стоит вдаваться в подробности.

Просторный холл, в котором мы сидели, наполняли шумные группы отдыхающих, загнанных внутрь внезапным ветром и снегопадом, и разговоры становились всё громче. Музыканты, неременный атрибут чаепитий в швейцарских отелях, заиграли привычное попурри из работ Пуччини. Затем зазвучали сладкие, сентиментальные мелодии.

— Какой странный контраст! — сказал Ингрэм. — Мы сидим здесь в тепле и уюте, наш слух щекочит эти детские мотивы, а снаружи сильная буря с каждой секундой становится яростнее и кружит вокруг мрачных утёсов Унгехейерхорна, или Рога ужаса, каким он стал для меня.

— Я хочу услышать о нём всё, — сказал я. — Каждую деталь. Мне хочется понять, почему он стал для вас Рогом ужаса.

— Что ж, — подумав, произнёс Ингрэм, — извольте. Но это случилось не сразу. А поначалу, примерно с неделю, мы с Шантоном (так звали моего проводника) по целым дням обшаривали утёсы у самого основания горы. Немного продвигались с

Эдвард Фредерик Бенсон (1867—1940) — английский писатель, автор классических рассказов о сверхъестественном. Подробнее — на стр. 38.

одной стороны, затем останавливались и, преодолев футов пятьсот с другой, встречались с новым неодолимым препятствием, после чего всё приходилось начинать с самого начала. Шантон постоянно был не в духе. Но это его неудовольствие, как я догадывался, проистекало вовсе не из-за сложности или опасности восхождения, ведь в отношении скал и льдов он был самым бесстрашным человеком, которого я когда-либо встречал. И в то же время он каждый раз настаивал на том, чтобы мы заканчивали свои поиски и возвращались в хижину ещё до заката. Обязательно! И даже после того, как мы оказывались у себя, закрывали и подпирали дверь, Шантон успокаивался не сразу. Помню, однажды ночью, когда мы, поужинав, услышали какое-то животное, вероятно, волка, завывшего где-то вдаль, Шантона охватила такая сильная паника, что он не сомкнул глаз до самого утра. Вот тогда-то я и подумал, что, наверное, существует какая-нибудь страшная легенда об этой горе, вероятно, связанная с её названием, и как только рассвело, я спросил у Шантона, почему её называют Рогом ужаса. Сначала он ушёл от ответа, сказав, что это название, как и Шрекхорн, дано из-за обвалов и падающих камней. Но когда я проявил упорство, он признался, что всё-таки есть такая легенда, и ему её рассказывал его отец. Легенда гласит, что в здешних пещерах живут создания, напоминающие людей и покрытые длинной чёрной шерстью повсюду, кроме лица и рук. Ростом они как карлики — фута четыре или около того, — но обладают удивительной силой и ловкостью. Они — потомки первобытной расы, и их эволюция, кажется, продолжается до сих пор. Говорилось также, что они иногда похищают девушек, но только не для того, что делают с пойманными каннибалы, а чтобы размножаться. Насилуют они и юношей, скрещивая их с женскими особями племени. Всё это говорит о том, что они близки людям. Но, естественно, я не поверил ни слову, исходя из современных

суждений. Возможно, думал я, такие существа жили столетия назад, а рассказы о них с завидной стойкостью передаются среди местных жителей и по сей день. На вопрос об их численности Шантон ответил мне, что как-то однажды сразу троих этих чудищ видел один мужчина, который смог сбежать от них только благодаря скорости своих лыж. Этот мужчина, уверял Шантон, был ни кем иным, как его дедом, которого однажды зимним вечером темнота застигла в лесной чаще под Унгехейрхорном. Шантон считал, что спуститься в низину этих созданий заставил поиск еды, ибо зима тогда выдалась очень суровая, а так встречи с ними обычно случались на скалах у самого пика. Они преследовали деда, тогда ещё юношу, чрезвычайно проворным аллюром, иногда вертикально, как бегают люди, иногда на четвереньках, как звери, а их вой был точь-в-точь таким же, какой мы слышали прошедшей ночью в хижине. Вот какую историю поведал мне Шантон, и я, конечно же, счёл её суеверной нелепицей. Но уже на следующий день у меня появилась причина пересмотреть своё мнение по этому поводу.

Это случилось в тот день, когда после недели безуспешных поисков мы наконец обнаружили единственный известный на сегодня путь к вершине пика. Мы вышли, едва свет позволил начать подъём; столь трудные скалы, как сам понимаешь, невозможно одолеть при свете фонарика или луны. Вскоре мы оказались у длинной расщелины и исследовали уступ, который при взгляде снизу, казалось, уходил в никуда. Через час мы, прорубив ступени, поднялись по кулуару, ведущему вверх от него. Оттуда начинался утёс, представляющий определённую трудность, но, тем не менее, мы без особых усилий уже около девяти утра стояли на его вершине. Но надолго там не задержались, потому что та сторона горы была рыхлой от камней, которые обрушивались, как только солнце нагревало сдерживающий их лёд. Мы поспешили преодолеть уступ, где обвалы

случались чаще всего. Затем спустились по длинной, но менее сложной расщелине, управившись до полудня. Оба мы, как вы можете легко себе представить, находились в прекрасном расположении духа.

Далее нас ожидал долгий и утомительный переход по огромным валунам у подножия утёса. Здесь склон был очень пористым, и огромные пещеры уводили далеко в глубь горы. Мы развязались в основании расщелины и стали прокладывать себе путь среди обвалившихся камней, многие из которых не уступали в размерах домам. Тогда-то возле одного из них я и увидел то, что заставило меня понять: истории, рассказанные Шантоном, не были суеверным вымыслом.

Менее чем в двадцати ярдах от меня лежало одно из существ, о которых он говорил. Нагое, оно растянулось на спине, обратив лицо к солнцу и глядя на него немигающим взглядом. Строением оно было точь-в-точь как человек, но почти полностью покрытое шерстью, из-под которой только кое-где проглядывала загорелая кожа. На лице, за исключением щёк и подбородка, волос не было, и на нём я увидел чувственное и злобное выражение, заставившее меня застыть от ужаса. Будь это создание животным, едва ли его вид вызвал бы у кого-либо дрожь; ужас заключался в том, что оно являлось человеком. Подле лежала пара обглоданных костей, и это существо, окончив трапезу, лениво полизывало свои выступающие вперёд губы, из которых исходило довольное урчание. Одной рукой чудовище расчёсывало густые волосы на животе, а второй взяло кость, и та разломилась пополам под давлением пальцев. Но мой ужас основывался не на сведениях о том, что случилось с пойманными ими людьми, а на моей близости к твари столь человеческой и в то же время столь бесчеловечной. Пик, покорение которого минуту назад наполняло нас глубокой радостью, стал для меня настоящим Унгехейрхорном, ибо он был домом для

существ таких жутких, каких не может породить даже безумный кошмар.

Шантон находился в дюжине шагов позади, и я дал ему знак остановиться. Затем, чтобы не привлечь внимания загорающей твари, я с предельной осторожностью оттянулся назад, прокрался обратно на скалу, шепнул Шантону об увиденном — и, с побелевшими лицами, мы поспешно двинулись вниз. Мы всматривались в каждый уголок и низко пригибались, не зная, в какой момент можем наткнуться на одну из этих тварей или когда из устья какой-нибудь впадины покажется ужасное безвольное лицо существа, на этот раз, возможно, с женской грудью. Это было бы хуже всего.

Удача сопутствовала нам, когда мы продвигались среди валунов и непрочных камней, шум которых мог выдать нас в любой момент. Едва оказавшись среди деревьев, мы побежали, будто за нами гнались сами Фурии. Лишь тогда я понял — хотя и не могу передать этого словами — волнение Шантона, рассказывавшего мне о тех созданиях. Человекоподобность сделала их омерзительными. Пусть они одной с нами расы, но их вид находится на столь низкой ступени развития, что даже самые грубые и нечеловечные люди кажутся ангелами по сравнению с ними.

Музыка смолкла прежде, чем он окончил свой рассказ, а беседовавшие постояльцы, окружавшие чайный столик, уже разошлись. Ингрэм на мгновение замолчал.

— Это был духовный ужас, — продолжил он, — и я на самом деле считаю, что с тех пор, как я испытал его, мне так и не удалось оправиться. Я увидел, каким отвратительным может быть живое существо и какой отвратительной, следовательно, является сама жизнь. Полагаю, в каждом из нас таится врождённый зачаток этого неизъяснимого зверства, и кто знает, бесплоден ли он, как кажется, или способен принести плоды? Увидев это создание на солнце, я заглянул в бездну, из которой выползли и мы. А теперь они пытаются выползти из неё, если их вид ещё суще-

стует. Конечно, за последние двадцать лет о них не было никаких известий, пока не появилась эта история о следах, найденных альпинистами на Эвересте. Если она достоверна, если группа не спутала их с какими-нибудь медвежьими, если это следы человека, то, по-видимому, этот забытый остаток человечества сохранился.

Ингрэм закончил свою страшную историю. Но в этой тёплой цивилизованной комнате все эти ужасы ничуть не тронули меня. Разумом я понимал Ингрэма и соглашался с ним, но душа определённо не ощущала дрожи от внутреннего осмысления.

— Но странно, — сказал я, — что ваш острый интерес к физиологии не развеял тревоги. Вы видели, как я понимаю, представителей вида более далёкого, чем те, кому принадлежали самые ранние человеческие останки. Не говорило ли в вас что-то: «Это имеет великое значение»?

Он отрицательно покачал головой.

— Нет, я хотел просто убраться оттуда, — ответил он. — Как я уже сказал, это был ужас не перед тем, что, исходя из истории Шантона, могло случиться, если бы нас поймали. Это был сущий ужас перед самым созданием. Я задрожал от одного лишь его вида.

Ночью снегопад и ветер усилились, я спал беспокойно и не раз вырывался из забытья от лютого ветра, который сотрясал мои окна так, словно требовал впустить его внутрь. Ветер дул неровными порывами, смешиваясь со странными шумами, ненадолго затихал, превращаясь в стоны, а потом вдруг быстро возвращался — и стоны перерастали в вопли. Эти шумы решительно вторгались в моё дремлющее подсознание. Однажды я даже вырвался из кошмара, явившего обитателей Рога ужаса, забравшихся на мой балкон и гремевших оконными засовами. Но ещё до наступления утра ветер стих, и, проснувшись, я увидел, что в спокойном воздухе идёт густой и быстрый снег. Он не прекращался три дня, а затем ударил такой мороз,

какого мне прежде никогда не доводилось испытывать. Одной ночью было зафиксировано пятьдесят градусов, потом стало ещё холоднее. Какая температура стояла на утёсах Унгехейрхорна, я даже не мог себе представить. Я думал, что достаточная для того, чтобы разом погубить всех его таинственных обитателей; мой кузен двадцать лет тому назад упустил возможность изучить их, и это, вероятно, больше не удастся ни ему, ни кому-либо ещё.

Наутро я получил от одного своего давнего друга письмо, в котором он сообщал о своём приезде на соседний курорт Сент-Луиджи и предлагал мне пойти вместе с ним утром на каток, а затем и отобедать. Это место находилось не более чем в двух милях пути по низкому, поросшему соснами предгорью. Выше него рос покосившийся лес, а ещё выше начинались каменистые склоны Унгехейрхорна. Закинув на спину рюкзак с коньками, я встал на лыжи и начал лёгкий спуск по лесистому склону по направлению к Сент-Луиджи. День выдался хмурым. Облака полностью скрыли высокие пики, но солнце, выглядевшее за ними бледным и неярким, всё же оставалось видимым. Вскоре оно поднялось выше, и я спускался к Сент-Луиджи уже под сверкающим небосводом. Мы покатались на коньках, отобедали, и, поскольку казалось, что пасмурная погода возвращается, я выдвинулся обратно пораньше, около трёх часов дня.

Едва я въехал в лес, как небо затянулось густыми клубами облаков, которые начали быстро спускаться всё ниже и ниже. Через десять минут они стали такими густыми, что я уже с трудом мог видеть на пару ярдов перед собой. Очень скоро я понял, что сошёл с тропы, так как осыпанные снегом кустарники оказывались прямо на моём пути. Я попытался вернуться назад, чтобы найти тропу — и совершенно заблудился. Но, хотя двигаться было тяжело, я знал, что мне нужно всё время подниматься вверх, пока я не выйду к краю предгорья и спуску в открытую долину, к

Алфубелу. Я спотыкался и обходил преграды, не имея возможности снять лыжи из-за густого снега, потому что иначе я на каждом шагу проваливался бы до колен в сугробы. Однако подъём продолжался, и, посмотрев на часы, я понял, что иду из Сент-Луиджи уже час, то есть более чем достаточно для того, чтобы дойти до своего отеля. Но в то же время я считал, что если я даже и отклонился от верного маршрута, то в ближайшие несколько минут непременно поднимусь на то место, откуда смогу найти спуск в долину. Туман розовел, и, хотя это и указывало на приближение заката, меня утешал тот факт, что он в любой момент мог подняться, и я тогда сразу увижу, где я нахожусь. Но наступающая ночь требовала оградить разум от одинокого отчаяния, какое пожирает сердце человека, заблудившегося в лесу или в горах, — отчаяния, которое, несмотря на то, что в теле ещё много сил, истощает нервы, и остаётся лишь лечь наземь и предать себя судьбе, чего бы та ни посулила...

А затем я услышал то, отчего мысль об одиночестве показалась истинным блаженством в сравнении с куда худшей судьбой! Это походило на волчий вой, и раздался он впереди, совсем недалеко — там, где в сосновом облачении возвышался горный хребет. Если, конечно, зрение меня не подводило.

Внезапно мне в спину подул ветер, стряхнувший снег с поникших ветвей и развеявший туман, словно метла, сметающая пыль с пола. В свете безоблачного неба, уже наполненного закатными красками, я различил впереди край леса, по которому так долго блуждал. А вот спуска в долину нигде видно не было. Вместо этого прямо передо мной возвышался крутой каменистый склон, переходящий в подножие Унгехейрхорна. Чем же тогда был тот волчий вой, от которого замерло моё сердце? Я присмотрелся...

И замер. Мenee чем в двадцати ярдах от меня лежало упавшее дерево, а к его ство-

лу прислонился один из обитателей Рога ужаса — и это была женщина. Всё её тело покрывала густая серая шерсть, растущая пучками и нависающая над плечами и сморщенными, обвислыми грудями. Лишь только завидев чудище, я сразу ощутил не только разумом, но и содрогнувшейся душой всё то, о чём мне рассказывал Ингрэм. Ни в одном кошмаре не встретить такого отвратительного выражения лица; красота солнца и звёзд, зверей и людей не способны возместить столь дьявольское воплощение живой души. Нечто непостижимо звериное очерчивало слюнявый рот и узкие глаза; я словно смотрел в самую бездну, склонившись над её краем, и понимал, что оттуда когда-то выкарабкались наши предки. А что случилось бы, если этот уступ вдруг рассыпался передо мной и я стремглав рухнул бы в бездонные глубины?..

Одной рукой она держала за рога серну. Животное брыкалось, пытаясь вырваться, и, дёрнув задней ногой, задело её сморщенное бедро. Тогда она, хрипя от ярости, второй рукой схватила ногу серны и, как человек, выдёргивающий стебель мятлика, легко выдернула её из бедного животного и, поднеся ко рту, стала сосать её, будто ребёнок, сосущий леденец. При этом её короткие коричневые зубы проглядывали сквозь плоть и хрящи. Она с урчанием облизнулась и, бросив ногу подле себя, снова взглянула на тело жертвы, дёргающейся в предсмертных конвульсиях. Затем большим и указательным пальцами выдавила ей глаз, раскусила его — и тот лопнул, как орех с мягкой скорлупой.

Всё это произошло за те несколько секунд, что я наблюдал за ней в неопишущем оцепенении ужаса, пока мой разум раздавал панические команды парализованному телу: «Убирайся прочь, пока есть время!» Поэтому, как только силы вернулись в мои суставы и мышцы, я попытался скользнуть за дерево и скрыться из виду. Но женщина — если её можно так назвать, — очевидно, уловила моё движение: подняла глаза от своей пищи и посмотрела

на меня. Вытянула шею, бросила добычу и, поднявшись, начала двигаться в мою сторону. Затем открыла рот и издала такой же вой, какой я слышал незадолго до этого. На него последовал ответ — слабый и отдалённый. Скользя, задевая носками лыж препятствия под снегом, я бросился меж сосновых стволов по склону. Низкое солнце, уже утонувшее за горой на западе, окрасило снег и сосны своими последними лучами. Мой рюкзак с коньками болтался на спине во все стороны, одна лыжная палка выбилась из моей руки из-за упавшей ветви, но я не мог позволить себе даже секундной задержки, чтобы поправить её. Я не оглядывался и не знал, с какой скоростью за мной гонится преследователь, и гонится ли он вообще. Весь мой разум и силы, включённые на полную мощность под давлением паники, работали единственно на то, чтобы спуститься с холма и выбраться из леса так быстро, насколько это возможно. Я уже не слышал ничего, кроме снега, громко хрустящего под лыжами. А затем сзади, совсем рядом, как мне показалось, снова раздался этот страшный вой! И ещё я слышал чужие шаги. Шаги были очень быстрые!

Коньки болтались у меня за спиной, а ремень рюкзака сдвинулся и стал натирать и сдавливать мне горло, не давая вдохнуть воздуха, который, видел Бог, был тогда крайне необходим моим тяжело работающим лёгким. Не теряя ни секунды, я стянул рюкзак с шеи и взял его в руку, свободную от лыжной палки. Казалось, теперь двигаться стало легче, и, я уже довольно близко от себя видел ту самую тропу, которую недавно потерял. Сумей я только добраться до неё, более ровная дорога позволила бы мне оторваться от преследователя, который здесь, на бездорожье, меня пусть и медленно, но неуклонно догонял. Вот почему при виде тропки, свободно тянущейся вниз, чёрную панику моей души пронзил луч надежды. Одновременно с этим появилось острое и неодолимое желание посмотреть, кто или что гналось за мной — и я позво-

лил себе бросить взгляд назад. Да, тут же убедился я, это была она, та самая чертовка с длинными седыми волосами, только что виденная мной за отвратительной трапезой. Теперь она невнятно тараторила и делала хватаящие движения пальцами, будто уже настигла меня.

Тропа была совсем близко, и, полагаю, именно поэтому я утратил бдительность. На моём пути оказался запорошенный куст, и, думая, что смогу его перепрыгнуть, я споткнулся об него и упал, присыпавшись снегом. Сзади, совсем рядом, я услышал безумный звук — наполовину крик, наполовину смех. Не успел я увернуться, как цепкие пальцы сомкнулись у меня на шее, словно стальной зажим. Но моя правая рука, в которой я держал рюкзак с коньками, была свободна. Слепым движением назад я взметнул рюкзак на всю длину ремня и понял, что мой отчаянный удар встретил что-то на своём пути. Прежде чем я смог оглянуться, хватка ослабла и что-то свалилось прямо в куст, в котором я запутался. Я поднялся на ноги и посмотрел назад.

Она лежала, подёргиваясь и дрожа. Пятка одного из моих коньков, прорезав тонкую альпагу рюкзака, угодила ей в висок, откуда теперь шла кровь. А в сотне ярдов выше по ущелью я увидел другую фигуру — та быстро спускалась по моим следам. Тогда паника вновь овладела мной, и я поспешил прочь по гладкой белой тропе навстречу манящим огням посёлка. Больше я ни разу не задержался во время своего стремительного бегства. Лишь оказавшись среди людей, я мог чувствовать себя в безопасности. Бросившись к двери отеля, я закричал, чтобы меня впустили, хотя достаточно было просто повернуть ручку и войти. И так же, как во время рассказа Ингрэма, внутри играли музыканты и стоял гул голосов. Там же находился и сам Ингрэм. При моём шумном появлении он сразу вскочил на ноги.

— Я тоже видел их! — закричал я. — Вот мой рюкзак. Здесь их кровь! Кровь

их женщины. Она оторвала ногу серны на моих глазах, а потом гналась за мной по проклятому лесу! Я...

Не знаю, я ли кружился вокруг или комната кружилась вокруг меня, — я услышал лишь собственное падение на пол. В сознание я пришёл лежа в кровати. Рядом сидел Ингрэм, заверивший, что я в безопасности, и другой человек, не знакомый мне, — он сделал укол и успокоил меня...

Через день-другой я дал связный отчёт о своём приключении, и трое или четверо мужчин с ружьями отправились по моим следам. Они нашли куст, о который я споткнулся, — там снег впитал лужу крови. Пройдя дальше по моей лыжне, они наткнулись на тело серны с вырванной ногой и пустой глазницей. Всё это подтвердило историю, которую я и рассказал читателю. Сам же я считаю, что создание, преследовавшее меня, не погибло от удара, или, возможно, его собратья унесли тело... Как бы то ни было, скептики и теперь могут отправиться в пещеры Унге-хейрхорна и попытаться обнаружить доказательства, что сумеет их убедить

Перевёл с английского Артём Агеев
E. F. Benson, «The Horror-Horn», 1922

Артём Агеев

Мастер

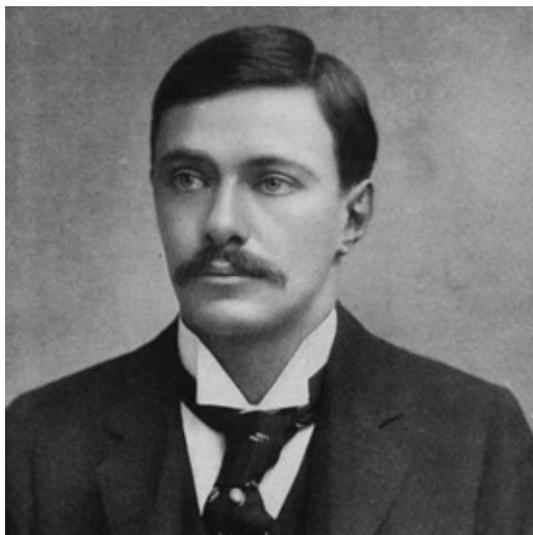
МНОГОСТОРОННЕГО ТАЛАНТА

Эдвард Фредерик Бенсон (1867—1940) происходил из поистине выдающейся семьи. Его отцом был архиепископ Кентерберийский Эдвард Уайт Бенсон, а братья А. К. Бенсон и Р. Х. Бенсон стали писателями. Однако Фред (как называли его близкие) оказался самым успешным и плодовитым в своём ремесле.

Если русскоязычный читатель знает его лишь как мастера мистического рассказа, то у себя на родине писатель известен не только в этом амплуа. Так, он сочинил более шестидесяти романов, уже первый из которых, «Додо», возымел успех сразу после публикации в 1893 году и принёс автору признание.

Но самым популярным в творчестве Бенсона британцы называют юмористический цикл о Мэпп и Люсии, иллюстрирующий жизнь двух напыщенных леди в английской глубинке. Прообразом провинциального Тиллинга, где разворачивается действие, стал любимый автором городок под названием Рай (Rye). Шесть романов цикла были опубликованы ещё в 1920—30-е годы, но их персонажи не сходят с уст до сих пор, о чём свидетельствуют несколько продолжений от современных авторов и телесериал по его мотивам.

Впрочем, всё это не умаляет значимость малой прозы Бенсона. При жизни писателя было издано семь сборников рассказов, большую часть которых составляют истории о сверхъестественном. Интригующие и атмосферные, одни из них имеют сатирический оттенок, а другие — способны напугать даже современного читателя. Вклад Бенсона в развитие жанра отмечен Г. Ф. Лавкрафтом в эссе «Сверхъестественный ужас в литературе»: добрым словом помянуты рассказы

«Человек, который зашёл слишком далеко», «Лицо» и авторский сборник «Видимое и невидимое», в котором мечтатель из Провиденса особенно выделил «Negotium Perambulans» и «Рог ужаса». Такие рассказы, как «Комната в башне», «В туннеле», «Миссис Эмворт», многократно включались в антологии и переиздаются до сих пор. А «Кондуктор автобуса» был дважды перенесён на экран: сначала в основе одной из новелл киноальманаха «Глубокой ночью» 1945 года, а затем, в 1961-м, — эпизода культовой «Сумеречной зоны».

Помимо художественных произведений, Бенсон писал публицистику, спортивную литературу, биографические труды — о королеве Виктории, Фрэнсисе Дрейке, Шарлотте Бронте...

На русском языке публикации Бенсона имели место ещё в дореволюционный период. Но активно его стали печатать лишь начиная с 1990-х, вместе с другими зарубежными мастерами страшных историй, когда для различных изданий был переведён целый ряд его рассказов. Сегодня малая проза Бенсона продолжает регулярно появляться в антологиях классической мистики.

Артём Агеев родился и живёт в г. Симферополе. Трудится на посту киноредактора онлайн-журнала «DARKER». В этом же издании публикует переводы англоязычных классиков жанра ужасов и мистики.

Мария Познякова Номер на двоих с луной

— *И всё-таки, сеньор Карамболь, как вы полагаете, кто кого придумал, мы их или они нас?*

— *Мне кажется, это был обоюдный процесс.*

— *То есть?*

— *То есть, обоюдный процесс. Мир не может существовать сам по себе, должен быть кто-то, кто этот мир придумает.*

— *То есть, некая высшая сила?*

— *Ну, никаких высших сил не существует, поэтому, чтобы жить, миры должны придумывать друг друга. Обоюдно. Взаимно. И чтобы жил человек, его должен кто-то придумать... за пределами его мира. Отца и матери здесь недостаточно.*

— *На основании чего вы сделали такой вывод?*

— *Ну, взять хотя бы пары... двух воображаемых друзей. Если один из них погибает, другому не жить.*

— *Я раньше думал, что это только если человек умирает, то его друг тоже.*

— *Не только. Множество примеров, когда...*

— Нам, пожалуйста, номер... на двоих, — просит девушка.

Тётянка за стойкой понимающе кивает. Уже привыкла, что приходят люди поодиночке, просят номера на двоих.

— Что-то... особенное в номере?

— Ну, да... свет чтобы приглушённый. И ещё можно так, чтобы луна ночью в окна заглядывала?

— Ой, милая моя, я, что ли, помню, где сейчас луна.

Девушка кусает губы, перекидывает сумку из руки в руку, как будто подумыва-

ет, не поискать ли другой отель...

— Пойдите-ка! Вроде как со стороны моря... Ну, да! Это вам в западном крыле комнату надо.

Тётянка смотрит на постоялицу. Вернее, не на постоялицу, а на пустоту рядом с ней.

— А вы, простите, с кем?

— С призраком.

— А-а, ясно.

— Он по ночам жизнь из людей пьёт.

— Ой, а...

— Да не бойтесь, не тронет он никого... Кроме меня.

Постоялица выводит в журнале — Инга, и рядом, — Крадущийся. Тётянка кусает губы, зверь, что ли, Крадущийся... или парень молодой, барышни обычно парней себе выдумывают.

А вот... Крадущийся в Сумерках...

— В чём причина развода?

Инга мнётся, не знает, как сказать.

— Ну... не сошлись характерами.

Регистратор пожимает плечами.

— Что ж вы за него... выходили?

— Ну, понимаете... — Инга краснеет до кончиков ушей, — надоел он мне.

— Вот так бы и сказали. А то: не сошлись характерами. Я первый раз вижу, чтобы с этими характером не сошлись.

Инге не по себе. Уже сама жалеет, что ввязалась в это дело, жила бы себе и дальше с Крадущимся, живут же люди...

— Ну, я, понимаете... на работу новую устроилась, всё как-то по-новому стало...

— Понимаем. Все с этим приходят.

— А что, много разводятся?

— Да порядочно. Как у нас в загсе свадьбы-разводы эти стали оформлять, так валом повалили. Ну, что, пошлина с вас тыща. Через месяц приходите, разведём.

— Месяц? — Инга тарашит глаза.

Мария Познякова родилась в Челябинске, где и живёт. Закончила Челябинский госуниверситет. Работает в НИИ металлургии. Неоднократно печаталась в альманахе «Полдень, XXI век».

— А вы как хотели? По закону месяц на раздумья полагается. Вы-то нашли уже кого-нибудь?

— Да как-то не думала...

Инга снова краснеет. Как-то неловко становится перед Крадущимся, совсем неловко, о нём-то Инга совсем не подумала, как он теперь без неё... Вообще говорят, такие не живут... сами по себе, без чело- века. Правда, британские учёные уже на тридцать три раза доказали, что живут, ещё как живут, и всё хорошо, только что там вообще британские эти учёные понимают?

Инга выходит в морозящий дождичек, Крадущийся заботливо набрасывает на неё плащ. Инга хочет спросить у Крадущегося, как он теперь без неё будет, и будет ли. Не спрашивает.

Теперь очередь Крадущегося садиться во главе стола. Призраки почтительно расступаются. Здесь, в мире призраков, собираются призраки одинокие, безлюд- ные, то есть, которые без людей. Которые с людьми, те сейчас сидят в мире живых, или гуляют с людьми по холмам призрач- ного мира.

— Лот тридцать восемь, — говорит Кра- дущийся, — девушка, двадцать пять лет. Кличка Инга. Волосы пепельный блонд, от природы темно-русые...

— Рост, вес? — смеется кто-то.

— А вам не всё равно?

— Она, может, страшенькая, — не сда- ется бестелесный дух.

— Фото могу показать, — обижается Крадущийся, — вот... смотрите...

Бесплотные духи смотрят. Им нравится. Девушка как девушка. С воображением у нее вроде бы все нормально, запросто представит себе призрака...

— А чего отдаёшь? — спрашивает дух, сотканный из лунных лучей.

— Устал я от неё.

Духи понимающе кивают, устанешь тут от этих пустышек со стразами вместо моз- гов, ой, миленький, я такой фильм видела,

там силы света сражаются с силами тьмы.

— Устал... Ну, и внушил ей, что я ей сам надоел. Кто-нибудь возьмет? — спраши- вает Крадущийся.

— Я возьму, — кивает дух из лунного луча.

— Да на кой чёрт, с ней и поговорить толком не о чем, — Крадущемуся стано- вится не по себе.

— Ну и ладно! Мне в материальном мире побывать, и то хорошо. Сколько за нее возьмёшь?

— А сколько дашь?

— Два лунных луча.

— Дёшево.

— А кто за такую больше даст? — фыр- кает дух, здесь его называют Лунный Луч.

— Тоже верно...

Подписывают договор, Крадущийся на- скоро объясняет новому хозяину, как обра- щаться с Ингой, что любит, чего не любит, чего боится. Крадущийся... что за имя ему дурацкое дала? Крадущийся...

— Номер... на одного, на двоих?

Димка смотрит на администратора. Ис- пепеляюще. Мысленно прожигает в нём дыру. Какой, к хренам собачьим, на одно- го, не видишь, что ли?!

— ...Не видите, что нас двое?

Администраторша смотрит на пустое место рядом с Димкой.

— М-м-м... какой номер пожелаете?

— С вай-фаем... и прочими такими при- чиндалами.

— Без проблем.

— Да, и чтобы розетки были, всё при всём... ю-эс-би...

Администраторша бледнеет.

— М-м-м... боюсь, нет таких...

Димка снова прожигает тётеньку за стойкой. Что за гостиница у вас, какие, к чертям собачьим, пять звёзд... олл вклю- зив...

— А... м-м-м... кто ваш друг?

Димка хочет снова обидеться, а ну да, на что обижаться-то, тётенька же его не ви- дит!

— Виртуал... человек... виртуальный. Хомо виртуалис. Ему вай-фай нужен, что- бы жить. И еще много чего... из области интернета.

— А-а, так это у нас интернет-кафе, — кудахчет тётенька.

— Это мне в кафе теперь жить?

— Ну, что вы... отдельные комнаты, ди- ванчик там, всё при всём...

— Вот это по-нашему, — Димка перево- дит дух, — пошли, Дата-Крайм.

Бросает сумку в кого-то невидимого, сумка повисает в пустоте, плывёт по воз- духу за хозяином.

Дата-Крайм-двести смотрит на Димку. Насмешливо. Холодно. Пристально.

— Не дам.

— Что значит, не дашь, мне что, всю жизнь с тобой теперь мучиться?

Дата-Крайм-двести кивает.

— Всю жизнь.

Дата-Крайм-двести. Тонкий, бестелес- ный, отдаленно похожий на человека. Хомо Виртуалис.

— Слушай, ну, другого человека себе найдёшь, я-то тебе на что?

Дата-Крайм-двести фыркает. Презри- тельно. Вот так же он фыркал сегодня в загсе, когда Димка долго объяснял про расставание, ну, со школы с этим Дата- Краймом-двести дружит, сейчас универ кончил, в Москву переехал, как-то уже не до Дата-Крайма-двести, ни до кого, ни до чего... И регистратор за столом терпеливо оформляет документы, и тут на тебе, та- дам — Дата-Крайм-двести заявляет, что ничего подписывать не будет!

— Я тебя по-хорошему прошу, — не сдаётся Димка, — пусти. Думаешь, если расставаться со мной не хочешь, я тебе и дальше программы писать буду? Хрен до- ждёшься.

— И будешь.

Дата-Крайм тоже не сдаётся. Дата-Край- му-двести Димка нужен, ещё как нужен, где ещё такого программёра найти, да мало того, что программёра, ещё и чтобы

свободный был, сам по себе, чужой для всех, ничем не связан. А одинокий про- граммёр, это редкость, большая редкость, у каждого какой-нибудь дружок, какая-ни- будь виртуальная нечисть из Сети.

Так что Дата-Крайм-двести с Димкой не расстанется. Даже не просите. Тут, глав- ное, пару месяцев подождать, привыкнет Димка к Москве, перебесится, там, гля- дишь, и раздумает расставаться.

— Ой, а я знаешь, такую книжку читала, такую книжку...

Лунный Луч недоверчиво смотрит на Ингу, надо же, она ещё и читать умеет, по ней бы в жизни не сказал.

— Карлсон? Прикольная книжка.

Лунный Луч пытается шутить. Шутить не получается, ничего, лиха беда начало.

— Ну, я читала, что это... раньше друзья только у детей были.

— Да ну.

— Не, правда, там так написано... что раньше только дети маленькие друзей ви- дели... ну таких...

Лунный Луч кивает. Н-да-а, хлопотное это дело, состоять при Инге, выслушивать то, что тридцать три раза слышал, и делать вид, что слышишь в первый раз. Ух ты... да ты что, да быть не может...

Бармен оглядывает ресторанчик — за каждым столиком сидит по одному чело- веку, отчаянно жестикулируют, говорят что-то в пустоту. Бармен пытается пред- ставить себе, как выглядят их друзья. Вон та дамочка вроде как с призраком пришла, у этого парня друг — седой мудрец, вон мальчишка пришёл с каким-то понаворо- ченным супергероем...

— О чём задумался? — спрашивает Гово- рящий Пеликан. Бармен стряхивает с себя оцепенение. Улыбается своему другу. Бар- мен может гордиться своим другом, ещё бы, со школы вместе... говорят, теперь за долгую дружбу какие-то премии давать бу- дут, как людям, которые много лет в браке.

— Ты прикинь, что тут в гостинице вче- ра было, — не унимается Инга.

Лунный Луч наостряет тонкие уши, терпеливо готовится слушать, как вчера какая-нибудь девка плясала голая на столе, и какой-нибудь турист пьяный свалился в фонтан с шампанским.

— Сюда же эти все приезжают... Кто развестись хочет. Тут единственный заг по стране, где разводят... с друзьями. Так это... Тут парень с каким-то кибером приехал, или не кибером, уж не знаю, с кем... Короче, он расстаться хотел, а кибер сказал — не хочу.

— Ну, ему от этого парня польза была какая-то.

— Ну, вот... А парень сильно хотел друга избавиться... И это... Вай-фай ему отключил. Или я не знаю там, что... Короче, убил его...

Лунный Луч вздрагивает.

— Это же... криминал голимый... это в полицию надо.

— Да уже заявили, парня, правда, на свободе оставили, но следствие уже возбудили.

Лунный Луч кивает, ишь ты какие мы слова умные знаем... И всё-таки не по себе, очень не по себе, это что же делается, первый раз такое, чтобы один друг другого... вот так... убил... а если мы людей так же будем... убивать... нет, мы людей так же не будем, у нас-то с этим строго, если человек твой погибнет, самому тебе тоже долго не жить.

В зал входит парень. Сидящие за столиками ничего не говорят, только многозначительно переглядываются — тот самый.

Димка и сам чувствует на себе взгляды, отворачивается, а я что, а я ничего, а он сам, кто вообще сказал, что это я его... Поправляет пиджак, специально вышел в трауре, показать, что ему тоже очень жаль...

Заказывает завтрак. Садится так, чтобы не видеть сверлящие взгляды — на этот раз до других постояльцев дошла очередь прожигать взглядами в Димке дыры...

Инга что-то оживленно верещит, Лунный Луч кивает, делает вид, что слушает. Смотрит на Димку, что-то не нравится ему в Димке, что-то, что-то...

Парень за столиком вздрагивает, падает на пол, извивается в конвульсиях. Люди — живые, материальные — мечутся вокруг, орут что-то про скорую и валидол. Димка растворяется в воздухе. Медленно, но верно. Раз, два, три, вот уже просвечивает скелет, пульсируют сосуды, одежда мягко оседает на ковёр, какое-то время ещё мелькает мозжечок, вот уже никого нет...

Инга визжит. Протяжно, жалобно. Лунный Луч обнимает её, бормочет какие-то слова утешения.

— Это... это как это так?

— Так вот... если один друг умер... другому не жить, — говорит Лунный Луч.

Инга не понимает:

— Так это... слушай, ну, извини, конечно... Но это же мы вас придумали! Это же вы исчезаете, когда мы про вас забыва...

Инга буквально напарывается на взгляд Лунного Луча — насмешливый, холодный, пристальный...

— Правда? Я думал, наоборот.

Инга внезапно вскакивает и выбегает из зала — в улицу, в ночь, кажется, напугал её чем-то Лунный Луч... вот, блин... без году неделю в мире людей, а уже всё испортил!..

Лунный Луч бросается за Ингой, хочет позвать, понимает, что забыл её имя...

Отчаянный сигнал! Визг тормозов!..

Лунный Луч высматривает что-то в темноте ночи, это бывает, Челси ему что-то рассказывал, люди ездят на домах на колёсах, иногда дом на колёсах сбивает пешего человека, человек был, и вдруг перестаёт быть...

Как-то так...

Лунный Луч приближается посмотреть, ему интересно увидеть, как это, когда были — и вдруг перестают быть... смотрит на распостёртое на асфальте тело, узнаёт...

Проклятье...

— Мои соболезнования...

Лунный Луч оборачивается. За ним стоит Крадущийся В Сумерках, он видел, что случилось, он всем своим видом показывает, что ему очень-очень жаль.

— Можешь найти себе другого человека, — не унимается Крадущийся. — Пойдём, с девчонкой одной сведу.

— Не надо.

Лунный Луч наклоняется над сбитой.

— Что делаешь, погибнешь!

— Уйди. Не мешай. Дай подумать... подумать...

Лунный Луч думает. Лунный Луч не верит... чёрт возьми, должно же получиться...

Инга поднимается с асфальта. Отряхивается, кусает губы от боли, набрасывается на водителя грузовика: ты смотри, куда прёшь, по людям, блин, как по асфальту!.. Наконец, спохватывается, смотрит на Лунного Луча.

— Крепко он меня сбил.

— Насмерть.

— Да ну. Как же... Я же...

— А я тебя обратно выдумал. Придумал, что ты живая.

— Номер на двоих? — спрашивает тёнька за стойкой.

— Нас же двое, — кивает парень, показывает на свою спутницу.

— Откуда я знаю! С вами, может, ещё человек двадцать.

Посмеиваются. Тёнька за стойкой разглядывает пару, парня и девушку, пытается понять, кто из них из этого мира, кто не из этого, кто настоящий, кто вымышленный. Оба какие-то полуреальные-полупризрачные, ни туда, ни сюда.

— Какие-то пожелания к номеру?

— Вай-фай. Ну, и чтобы тепло было, мы тепло любим.

Тёнька за стойкой не выдерживает.

— А... вы... простите... кто?

— Ну, папа у нас человек был, а мама кибер.

— А что, так бывает, что ли?

— Всяк бывает, — парень разводит руками, а что тут такого...

— *Сеньор Карамболь, сегодня мы хотим поговорить о новом уникальном феномене размножения...*

Михаил Деревянко Путёвка

Доктор всё больше хмурился и повторял одно и то же междометие: «М-да».

— Что «м-да»? — в конце концов не выдержал Бойк.

— Ваше дело дрянь, голубчик.

— Я понимаю, что до идеальной формы мне далеко, но нельзя ли поконкретнее?

— Пожалуйста: организм изношен, нервы ни к черту, мозги набекрень. Продолжать?

— Не надо. Лучше скажите, что делать.

— Полная релаксация.

— Какая релаксация!? Я же не покончил с Дреем!

— Голубчик, вы сейчас не то что с Дреем — с мухой не сможете покончить.

— Но я даже не спас Илону!

— Если вы не спасёте своё здоровье, то ни вы не будете нужны Илоне, ни она вам.

— Нет, без Илоны мне не нужен никакой отдых, — твёрдо заявил Бойк.

Доктор оторвал взгляд от анкеты и неожиданно подмигнул:

— Скажу по секрету: Илона уже там.

— Точно?

— Не сомневайтесь.

— Так что вы там говорили про релаксацию?

Доктор самодовольно хмыкнул:

— Давно бы так, голубчик. Сейчас оформим путёвочку.

Он достал чистый бланк:

— Итак, начнём. Что с именем?

— А что, и с именем что-то не так?

— С именем всё в порядке, а вот с мозгами не очень, — хмыкнул доктор и пояснил: — Имя будем менять?

— Зачем? Что в нём плохого?

— Ничего, но на отдыхе у вас будет совсем другой вид, иная внешность.

— Вам что, не нравится мой вид и моя внешность?

— Вид у вас глупый и уставший, а внешность примитивная и ужасная. Для полноценного отдыха совершенно не годится.

Бойк покосился на своё обезображенное шрамами тело.

— Так и быть, внешность меняйте, но имя не троньте.

— Оно совершенно не будет подходить новому облику.

— Тогда давайте вначале определимся с обликом, а потом с именем.

— Нет, сначала имя.

— Почему?

— Потому что вначале было слово, — терпеливо разъяснил доктор.

— И как же мы его подберём?

— Назовите первое пришедшее на ум имя.

— Почему первое?

— Назовите, потом объясню.

— Глеб, — произнёс Бойк и потребовал:

— А теперь объясняйте.

«Глеб» удовлетворенно записал доктор в анкету и пояснил:

— Непроизвольно произнесённое слово выражает вашу суть независимо от облика и сознания.

— И какую же суть выражает «Глеб»?

— Голубчик, на это лучше вас никто не ответит. Идем дальше?

— Валяйте, — устало согласился Бойк-Глеб, — с вами всё равно спорить бесполезно.

— Вот и прекрасно! Не будем тратить время на пустые разговоры и быстренько определимся с памятью.

— А чего с ней определяться?

— Сотрём её частично или полностью?

— Зачем её вообще стирать?

— Опять глупый вопрос, — поморщился доктор. — Ну как вы сможете полноценно отдохнуть, если будете помнить все ужасы, которые пережили?

В сознании Бойка пронеслись сцены кровавых битв, и он непроизвольно вздрогнул.

— Кошмар.

— Да, такое лучше забыть, — согласился доктор.

— А вы откуда знаете? — насторожился Бойк.

— Догадываюсь по вашей реакции.

— Так я и Дрея забуду?

— Обязательно.

— А Илону?

— И её тоже.

— А можно Дрея забыть, а Илону помнить?

— Голубчик, если вы вспомните Илону, то всплывёт и Дрей.

— Как же я узнаю Илону?

— «По плодам их узнаете их».

— Как? — не понял Бойк.

— Там у вас будет книга, в которой всё будет написано.

— А потом память вернётся??

— Когда «потом»?

— После релаксации.

— Не волнуйтесь, придет время, и Дрей сам о себе напомним.

— А вас, доктор?

— Зачем?

— Чтобы было с кого спросить, если что. Доктор нервно рассмеялся:

— Меня, голубчик, помнить совсем не обязательно.

Бойк на мгновение задумался.

— Как же я буду жить без памяти?

— В пределах системы, в которой вы будете находиться, память сохраняется.

— Думаете, этого достаточно?

— Для полноценного отдыха — вполне.

— Ладно, стирайте и отправляйте на отдых.

Доктор сделал очередную отметку в анкете и многозначительно заметил:

— Рано: мы ещё не определились с плотью.

— А как с ней определяться?

— Пол будете менять?

— Глеб женского рода? Как-то не звучит.

— Теперь, голубчик, вы понимаете, почему вначале нужно было определиться с именем.

Бойк-Глеб непроизвольно хмыкнул:

— Хоть что-то сохранию. А что с телом?

— Имени «Глеб» соответствуют следующие образцы. Посмотрите.

Доктор пододвинул Бойку толстый альбом. Тот открыл его и расхохотался.

— Это я?! Это я буду таким мурзиком?

— Там есть и другие образцы, — невозмутимо заметил доктор.

Бойк попытался листать альбом, но не смог. С каждой страницы его всё больше трясло от смеха. Доктору пришлось дать Бойку воду, чтобы остановить нервный тик. Однако, тот упорно продолжал тыкать в альбом и вопрошать:

— И это вы называете телом?

— Голубчик, если бы это тело увидело вас, то умерло бы от ужаса. А вы только рассмеялись.

Наконец, Бойк успокоился и спросил:

— Вы в самом деле думаете, что я согласусь на такое тело?

— А что вы предлагаете?

— Сохранить своё.

— Да вы что! Появление в той системе такого монстра, как вы, вызовет такие потрясения, что мировая революция покажется детской забавой.

— А после релаксации мне вернут моё тело?

— В лучшем виде. Посмотрите.

Доктор нажал пульт, и в центре помещения возникла голограмма Бойка.

— Вас восстановят таким.

Бойк, пока еще Бойк, самодовольно хмыкнул:

— Совсем другое дело. Тогда не имеет значения, каким я буду «там». Отправляйте.

— Не спешите.

— Ну что ещё?

— Вам по системе «всё включено» или записать на самообслуживание?

— Неужели я не смогу сам себе прокормить?

— Вы же видели, каким «там» будете.

Михаил Деревянко родился в 1957 году. Закончил физфак БГУ. Автор ряда исторических, юмористических, детских и фантастических произведений. Издатель детских журналов. Живёт в Минске, Беларусь.

— Каким ни буду, а о себе сам позабочусь. Что скажут, когда узнают, что Бойк себя прокормить не смог?!

— Вы будете не Бойком, а Глебом.

— Не имеет значения, я же сам назвал себя Глебом.

— «В поте лица твоего будешь есть хлеб», — вздохнул доктор.

— Что? Не понял?

— Там поймешь, — хмыкнул доктор. — Счастливого пути!

Жирный боров, смачно чавкая и добродушно хрюкая, потерся о ногу Глеба.

— Что, голубчик, нравится тебе система «всё включено»? — задал Глеб риторический вопрос и выплеснул в корыто остатки поила. — Кушай на здоровье, поправляйся.

Он потрепал борова за холку и вышел из хлева. Солнце заходило за покрытый лесом гребень холмов, привольно раскинувшихся на том берегу озера. На водной глади лучезарно искрилась солнечная дорожка, завораживая и притягивая. Огромный тополь, посаженный Глебом в детстве, ласкал слух тихим шелестом кроны. Глеб погладил толстую кору и с улыбочкой спросил:

— А может тебя срубить?

Листья зашелестели сильнее и порывистее.

— Ладно, я пошутил, — добродушно засмеялся Глеб, — здесь у нас мир. Релаксируй по полной.

Из дома вышла Мария и тоже залюбовалась закатом. Когда солнце зашло, она сказала:

— Пошли ужинать.

На ужин она сварила картошку и пожарила свойскую колбасу. Они неторопливо ели, пили молоко и разговаривали.

— Ты забыл меня поздравить, — сказала Мария.

— С чем?

— Сегодня тридцать лет нашей совместной жизни.

Глеб отложил ложечку и уставился на стакан с молоком, припоминая:

— Точно! Второго июня.

— Как один день пролетели, — вздохнула Мария. — Ты хоть помнишь, как мы познакомились?

— Давно дело было, — уклончиво ответил Глеб.

— А я всё помню. Каждое мгновение.

— Ну, ты даёшь!

— Помнишь, какие стихи ты мне читал?

— Я? — удивился Глеб. — Чьи?

— Свои. Неужели забыл? — всплеснула руками Мария и прочитала по памяти:

— В твой день рожденья

Всё будет вновь,

Как вдохновенье

Придёт любовь.

— Неужели это я написал?

— Не прикидывайся: ты мне целые поэмы посвящал. А тут такой юбилей — и ни строчки.

Мария с обидой поджала губы и отвернулась к окну. Глеб неторопливо допил молоко, вытер рукой рот, смахнул со стола крошки в левую ладонь, выбросил их в мусорное ведро и прочитал:

Скажите мне кто Вы, Илона?

С такой неземной красотой

Не сможет сравниться Мадонна,

Хоть взгляд у неё неземной.

А может Илона богиня,

Что с неба на землю сошла.

Подходит богине то имя,

Ко мне она вдруг подошла.

И как же любить мне Илону?

Не знаю, что делать, скажите, как быть:

Смотреть на неё, как святую икону,

Иль просто любовь предложить?

Мария удивленно спросила:

— Ты издеваешься?!

— Нет.

— При чем здесь Илона?

— Не знаю, но мне хочется называть тебя Илоной.

— А мне тебя придурком.

— Не в этом дело.

— А в чём?

Глеб взял Марию за руку и усадил рядом с собой.

— Я не Глеб. Вернее, не только Глеб.

— А кто?

— Не помню.

— Так не бывает!

— Я тоже так думал, пока не узнал Дрея. Мария непроизвольно вздрогнула.

— Дрея?! Кто это?

— Видишь, ты вздрогнула. Значит, ты помнишь Дрея.

— Ты просто напугал меня своим бредом.

— Это не бред! Последний раз мы схлестнулись с Дреем в созвездии Ориона. Он едва унёс ноги, но при бегстве коварно тебя похитил.

— Меня?!

— Ну, не меня же. Только там ты была Илоной.

Мария-Илона положила ладонь на голову Глеба.

— Успокойся, я здесь. Никто меня не похищал.

— Неужели ты не помнишь, как звала меня на помощь?

— Утро вечера мудренее, — вздохнула Мария, — давай спать. Может, завтра я и вспомню.

— Лучше не надо, — махнул рукой Глеб, — это очень страшно.

Они легли, обнявшись, и сразу заснули после напряженного трудового дня. Ночью Мария вскочила с диким воплем:

— Где он?!

— Кто? — всполошился Глеб.

— Дрей! Ты сказал, что встретил его.

— Я его не встретил — я его узнал.

— Он здесь?

— Ты его вспомнила?

Мария разрыдалась и бросилась в объятия Глеба.

— Это ужасно.

— А меня ты вспомнила?

— Да, ты Бойк, мой защитник, мой воз-

любленный.

— Уди-вительно! — восторженно пропел Глеб.

— Что?

— Что здесь и там мы встретились и всё вспомнили, что здесь и там любим друг друга.

— Ну и что?

— А то, что любовь сильнее всех преград, сильнее пространства и времени, сильнее всех физических законов вместе взятых.

— Ты мне зубы не заговаривай. Где Дрей?

— Не волнуйся, он безобиден.

— Безобиден! — вскочила Мария. — Дрей не может быть безобиден. Он чудовище!

— Здесь он совсем не чудовище.

— А кто?

Глеб встал с постели и накинул халат.

— Пошли.

— Куда?

— Во двор. Я тебе его покажу.

— Мне страшно, — пролепетала Мария, прижавшись к Глебу.

— Не бойся, я тебя в обиду не дам.

Они вышли во двор. Луна и звезды мягко освещали землю. Глеб подвел Марию к тополи.

— Слышишь?

Мария тревожно напряглась, вслушиваясь в тишину ночи и шелест листьев.

Вдруг она тихо ойкнула и обомлела. Глеб подхватил её под мышки и усадил на лавочку.

— Потерпи. Я сбегаю за водой.

— Нет! — подхватила Мария. — Я с тобой! Я не останусь здесь одна.

— Хорошо, хорошо, только не волнуйся.

Он взял её на руки и внёс в дом. Придя в себя, женщина попросила запереть двери.

— Можно подумать, что это поможет, — усмехнулся Глеб, но выполнил просьбу и спросил:

— Ты его узнала?

— Это же Дрей, — с расширенными от ужаса глазами прошептала Мария.

— Да, похоже где-то там произошёл сбой, — почесал Глеб затылок. — Который раз убеждаюсь, что до совершенства нам ещё далеко.

— Мне нет до этого никакого дела, — пришла в себя Мария. — Меня волнует только одно: у нас во дворе находится Дрей, и это ужасно.

— Дорогая, он находится там уже не один десяток лет.

— Тем более.

— Представляешь, я посадил его во дворе вот этими руками.

— Ты его посадил — ты его и выкорчуй, — решительно заявила Мария.

— Ты думаешь, это правильно?

— При чем здесь «правильно» или «неправильно»? Просто теперь я не смогу здесь жить! Я не смогу выйти из дома!

— Но подумай: если за столько лет он не причинил нам никакого вреда, то, значит, он безвреден. Он просто дерево. Наши дети под ним выросли. Они залезали на него каждый день и ни разу не упали.

— И ты знал?

— Конечно, нет.

— Ты знал! Знал и молчал.

— Ты думаешь, я такой извращенец, что способен посадить заклятого врага возле дома?

— Когда ты узнал?

— Совсем недавно.

— Как?

— Как и ты: просто почувствовал и догадался. Такие же ощущения у меня были, когда я с ним встречался, будучи Бойком. А потом я всё вспомнил. Я даже вспомнил то, что ничего такого не должен был вспомнить.

— И я вдруг всё вспомнила.

— Я же говорю, что произошел сбой. Я только не помню, чтобы мне говорили, что я должен поселить Дрея у себя под боком. Или мне об этом и не говорили? А тебе?

— Нет, не помню, — задумчиво покачала головой Мария.

— Похоже, мы и не должны были это знать.

— Тогда зачем он здесь?

— Вот, над этим я и ломаю голову. Возможно, для того, чтобы доказать, что даже самые непримиримые враги могут мирно жить бок о бок.

— Но мы ведь не знали, что это Дрей?

Глеб озадаченно уставился на Марию.

— Да, а теперь знаем. Так что, возможно, никакого сбоя не было.

Мария грозно постучала пальцем по столу:

— Даже и не думай: ты должен его срубить.

— Нет.

— Опомнись, утром приедут дети.

— Нет.

— Ты не прикоснёшься ко мне, пока не срубишь это чудовище.

— Мария, пойми: он безобиден, пока дерево, пока здесь. Как только я его срублю, он вернётся обратно и бог весть что натворит. А справиться с ним могу только я. Поэтому мне тоже придётся возвращаться. Наша жизнь здесь закончится, как только я срублю этот злосчастный тополь.

— Ничего не хочу знать. Я не смогу жить, пока он здесь.

— Но ведь до этого жила.

— До этого я не знала.

— А ты представь, что мы сошли с ума, что всё это бред нашего воображения, что во дворе растёт самый обычный тополь.

— Да, и мы с тобой одновременно чокнулись.

— Известны случаи и массового помешательства. Утро вечера мудренее. Давай спать.

— Думаешь, я смогу уснуть.

— Я же с тобой.

Глеб с большим трудом успокоил Марию. Они легли на кровать, тесно прижавшись друг к другу.

Мария ещё долго всхлипывала, уткнувшись носом в плечо мужа. Наконец, сон сморил их, и Глеб провалился в созвездие Ориона. Он снова был Бойком. Дрей яростно напал на него, нанося сокрушительные удары огненным мечом. Бойк

решил нанести ответный удар, но его меч куда-то исчез. Он хотел защититься, но поднять тяжелый щит так и не смог. Попытка бежать тоже не увенчалась успехом, так как ноги не двигались. А Дрей продолжал наносить удары по шлему: бум, бум, бум. От очередного удара Бойк потерял сознание и проснулся в холодном поту.

Марии рядом не было, но со двора доносился подозрительный стук. Глеб, как ошпаренный, выскочил из дома. Мария с растрепанными волосами и одной нижней рубашке остервенело рубила топором тополь.

— Получай, гад! — выкрикивала она с каждым ударом. Увидев Глеба, принялась рубить ещё яростнее, но быстро ослабела, выронила топор из рук и, опустившись на землю, разрыдалась. У тополя она смогла лишь слегка повредить кору. Глеб сел рядом и молча погладил её по волосам. Они не заметили, как отворилась калитка и во двор вошли дети.

— Что вы тут делаете? — удивленно спросил старший.

— Ничего особенного, — утирая слёзы, ответила Мария, — слушаем, как шумит тополь.

Утренний ветерок пронесся над ними, и тополь приветливо зашелестел кроной.

Игорь Цвырко
и Михаил Деревянко:
**«Между прошлым
и будущим»**

Сегодня у нас в гостях... Или кто у кого? Одним словом, Михаил Андреевич Деревянко, главный редактор журнала «Космопорт», отвечает на наши вопросы. Итак:

И. Ц.: Михаил, как вы «дошли до жизни такой» — издавать журнал фантастики? Расскажите, какой был к этому путь.

М. Д.: Сама жизнь и привела. Выяснилось, что на огромных просторах бывшего Союза практически нет ни одного фантастического журнала. А как в таких условиях жить любителям фантастики? В то же время появились небольшие финансовые средства, полученные от издания других журналов. Поэтому на одной из встреч писателей-фантастов в Минске была озвучена эта идея. Через несколько дней мне позвонил Сергей Булыга и выразил готовность делать журнал, то есть стать редактором и организовать необходимый для работы коллектив. Вот, собственно, и всё — Сергей с коллегами собирает номер, я же больше занимаюсь печатью и распространением.

И. Ц.: Издания печатной продукции сейчас переживают далеко не лучшие времена. Кое-кто вообще предсказывает их скорое угасание. А вы вдруг открываете новый журнал. На чём основан ваш оптимизм?

М. Д.: Оптимизм основан на том, что человеку свойственно стремление к духовному развитию, а фантастика как составная часть литературы относится к сфере духовной жизни. Когда мы начинали издание детского журнала «Мишутка», нам говорили, что сделать его самокупаемым невозможно. Сейчас мы издаем более десяти журналов, и все они не убыточны. Надеюсь, что и «Космопорт» со временем станет прибыльным. Конечно, фор-

мы меняются, но суть остается неизменной. Духовная «пища» человеку нужна не меньше, чем материальная. Да, тиражи печатных изданий уменьшаются, но это компенсируется за счет интернета, куда, как по сообщающимся сосудам, хлынула литература. Поэтому на сайте kosmoport.net мы разместили электронную версию журнала. Не так важно, в каком виде будет журнал, электронном или бумажном. Важно, чтобы он был.

И. Ц.: Какие, если не секрет, ваши планы на будущее? Как вы видите продвижение журнала, каких высот планируете достигнуть?

М. Д.: Секрета нет: планы на будущее не строю. И как я могу их строить, если точно не знаю, что произойдет в следующее мгновение? Поэтому просто занимаюсь продвижением журнала. Журнал охотно берут столичная и все областные «Союзпечати», «Белкнига» и «Белпочта» по подписке и в розницу. Несколько предпринимателей берут журнал для продажи в супермаркетах и на книжных ярмарках. Поэтому журнал можно приобрести в киосках, книжных магазинах и супермаркетах, но лучше сделать это по подписке. Так дешевле, надежнее и удобнее. Срок реализации в киосках составляет 30 дней. Можно не успеть. К сожалению, в России «Космопорт» приобрести почти невозможно, так как в г. Мирный (Плесецкий

район Архангельской области) зарегистрирован журнал с таким же названием, но иной тематики. Пытаемся зарегистрировать в Москве журнал с немного измененным названием. Ну а пока для всех стран, кроме Беларуси, журнал доступен только в электронной версии.

И. Ц.: Наверное, о многом можно будет догадаться, чего ждать от журнала в будущем, если вы расскажете, какие у вас не издательские, а чисто читательские предпочтения. Какие литературные произведения вам нравятся и почему? И на читателя с какими вкусами рассчитывает ваш журнал?

М. Д.: Люблю произведения, в которых словам тесно, а мыслям просторно. Не могу читать чисто развлекательную литературу. Целью искусства является создание образа, на который откликается душа и ум читателя. Чем сильнее эмоциональное и интеллектуальное потрясение, тем лучше. Для этого писатель должен открыть новое и сделать это на высоком художественном уровне. Тема и сюжет являются лишь средствами, а не целью. А в чтении они есть цель. Развлечь любым способом. При этом, главная цель — нажива. Но искусство должно создавать образы, способные стать критерием нравственности. Если человек создан «по образу и подобию», то и творить должен точно так же. К сожалению, в современной культуре наблюдается нечто совершенно противоположное. Надеюсь, «Космопорт» будет соответствовать уровню настоящего авторского искусства. Когда мы обсуждали концепцию журнала, то пришли к тому, что при разнообразии жанров (научная фантастика, фэнтези и т. д.) главным критерием отбора должен быть высокий художественный уровень. Тогда журнал будет интересен как фанатам, так и читателям, далеким от фантастики. Поэтому журнал рассчитан на широкий круг читателей.

И. Ц.: В чём вы видите основные проблемы при издании журнала и как вы думаете их преодолеть?

М. Д.: «Космопорту» без году неделя. О нём мало кто знает. Журнал «Мишутка» издаётся более 15 лет. Временами тираж переваливал за 40 тысяч. Однако, до сих пор встречаю людей, которые даже не слышали о таком журнале. Поэтому «Космопорту» необходима реклама. Мы изготовили два рекламных ролика и запустили их на радио и телевидении. Конечно, будем участвовать в национальном конкурсе СМИ «Золотая литера». Наши журналы «Мишутка», «Тигра», «Мамино солнышко» — неоднократные лауреаты, а «Мишуткины сказки» — победитель. На минском конвенте фантастики, который планируется провести 29 — 30 марта в ДК МАЗ, нам представлен стенд. Приходите, пообщаемся. И огромная просьба к любителям фантастики: не стесняйтесь всем рассказывать о «Космопорте». Мы очень надеемся на вашу помощь. Открою маленький секрет. Мы мечтаем создать при журнале клуб любителей фантастики.

И. Ц.: Как Вы относитесь к власти?

М. Д.: Никак. Надеюсь, что имею хоть какое-то отношение к литературе, фантастике и искусству.

И. Ц.: Ну, и какая фантастика без предсказания будущего! Что ждёт издательское дело через год? Через десять лет? Через сто?

М. Д.: Издательское дело никуда не денется. Всё, что открыло или изобрело человечество, там или иначе останется с ним до конца, хотя бы в виде ископаемого. А предсказаниями не занимаюсь. Я не астролог. Считаю это занятие бесполезным и даже вредным. Не случайно будущее закрыто для человека. А предсказания, если человек в них верит, могут подавить волю и привести к её искажению и подчинению другой воле. Не думаю, что это хорошо. Лучше, если человек сам определит свой путь и будет ему следовать, не обращая внимания ни на какие предсказания.

Сергей Игнатьев
Бринкадорес

Sanctus Espiritus
redeem us from our solemn hour
Sanctus Espiritus
insanity is all around us
(Within Temptation)

Каждый вечер он пытается убежать от самого себя.

Садится за столик в углу кабачка «Приют грёз». Под шипящие рулады патефона, подняв воротник, сутулясь, будто боясь встретить знакомых (хотя в этом городе у него почти не осталось знакомых) цедит шнапсидр. Содержимое стакана на просвет тусклых ламп отливает шафраном, аквамарином и мертвящей зеленью полевой униформы.

Он тянет сквозь сжатые губы приторную горечь шнапсидра, пока не начинает клевать носом. Добирается, ковыляя, до съёмной квартирки доходного дома, чудом не попавшего ещё под снос, и проваливается в тяжёлый сон без сновидений.

Ему хочется забыть. Забыть ломаную линию траншей и зелёные зарницы, чавканье грязи под сапогами и писк юрких рыжих тварей по углам блиндажа, свиные рыла противогазных масок наступающих немецких цепей, блеск пламени на крутых боках наступающих стиммехов.

Забыть запах нечистот и аптеки, стук костылей по кафелю и твёрдый хруст простыней, строгие взгляды дежурной сестры, скамейку под вязом и консервную банку, набитую окурками, и весёлые анекдоты новых друзей — оплетённых марлей бинтов людей-без: людей без рук, без ног, без лиц.

Забыть даже ту торжествующую, пьяным запахом сирени пропитанную весну — «дриады» и «сатиры» новорожденной Директории, с пыхтением и утробным ворчанием курсирующие по Унтер-ден-Линден в сопровождении запылённых пехотных колонн (только пыль-пыль-

пыль...), грохот праздничного салюта — последний, хотелось бы верить, залп уходящей в историю Великой войны.

Самарцев пил, чтобы забыть. Но память оставалась с ним — прорывалась сквозь глухую черноту сна, нагоняла в городской сутолоке и под тенистыми кронами парков.

Память оставалась с ним — тонким шрамом по правой щеке, толстым шрамом поперек ребра и россыпью крошечных шрапнельных осколков в ноге.

Ему предстояло нести вперёд по жизни, как изрешечённые знамена — свои шрамы, железные зёрна в ноге и дурацкое имя Селиван. Спасибо за него отцу, смутно-памятному светлородому добряку (погиб при бомбёжке, университетский профессор, из «мичуринцев», самых первых и самых отъявленных). Самарцев мог бы гордиться и рассказывать девушкам, что сам «Дедушка Ваня» качал его в свое время на коленке. Но об этом он не рассказывал никому и никогда.

Он вернулся в Москву, совершенно не зная, чем занять себя.

Выход нашёлся сам собой — с детства он не расставался с карандашом, да и теперь, в минуты раздумья, за столом в своей комнатке, над талмудом книги объявлений или у пузато-рогатого, блистающего медью, облепленного визитками телефона в коридоре, ожидая ответа с биржи труда — постоянно рисовал на бумажных клочках всевозможные рожицы и чертиков.

Двухгодичные курсы, трёхмесячная практика — и вот у него в руках диплом фито-дизайнера. Профессия востребованная, но не из тех, при упоминании которых женские глаза застывает мечтательная дымка, а мужчины распрямляют спины и уважительно поигрывают желваками. Фито-дизайнер — это не героический дендротех, не загадочный пси-флорист, не воспетые пропагандой селекционеры, компостеджеры, лесники, почвенники...

Но Самарцеву нравилось. На выпивку хватало. Выпивка помогала забыть. Остальное его заботило мало. Шесть лет

пронеслись, промелькнули — как на белых, черными прожилками прочерченных крыльях бабочки-боярышницы.

За столиком в углу «Приюта грёз», под шипящие рулады патефона, где он вновь и вновь топил свои воспоминания в шнапсидре — здесь всё и переменилось.

В знак приветствия эти двое приподняли шляпы — чёрную, как сажа, и серую, как зола. Присели за его столик, расстегнув свои отлично сшитые пальто — угольное и пепельное соответственно.

— У нас предложение. Новая работа, Самарцев. Специально для вас.

— Неинтересно.

— Вы сперва дослушайте, — с мягкой улыбкой сказал тот, что представился как Рыбак.

Улыбались его губы — но не глаза. В руках его, затянутых в серую замшу, будто из воздуха соткалась увесистая папка.

— Мы ознакомились с некоторыми вашими проектами, — тот, кто представился как Шутник, побарабанил по столешнице пальцами, затянутыми в чёрную кожу. — Они впечатляют.

— Благодарю.

— Сателитные фоггер-посевы, верно?

Его самый удачный проект. По забытому названию похоронных плакальщиц и по фамилии создателя: «Тужебница Самарцева». Крестоцветная трава. Фоггер-посев, сложный биомеханический комплекс, нагнетающий влагу для фид-экстрактора. Для осуществления проекта понадобилось не меньше десятка специалистов, но сама идея, её зримое воплощение на бумаге — принадлежали ему.

Поле невысоких трав, будто подёрнутых изморозью — мелкие белые цветочки. Запоздалые плакальщицы минувшей бойни.

— Поедте с нами, Самарцев, — сказал Рыбак.

— И если вам не понравится предложение, — добавил Шутник, — я обязуюсь незамедлительно вернуть вас в это уютное заведение. И оплатить вам выпивку. На всю неделю вперёд.

Самарцев прикончил стакан шнапсидра и усмехнулся:

— По рукам, господа. Поехали.

— Надеюсь, — сказал Рыбак, поднимаясь со стула, — у вас не наблюдается синдрома Ионы... Мы к вам заехали на служебном.

Легковой дендротех «Карпос-4», на котором новые знакомцы повезли его к работодателю, был из новейших. Самарцеву таких моделей не доводилось видеть даже на журнальных иллюстрациях. Беспокойство Рыбака о синдроме Ионы у пассажира оказалось излишним — транспорт шёл так мягко, что не ощущалось ни тряски, ни скорости, ни перемен давления, своегообычных для таких видов транспорта.

— Умеем же, если хотим, — будто прочтя мысли, высказался Шутник, поглаживая рогатку штурвала.

Самарцеву почудилось, что биомашина в ответ на хозяйское одобрение откликнулась исходящим откуда-то из сплетения ветвей-жил ласковым, почти кошачьим мурчаньем. Ему стало не по себе. Всё же, как ни крути, он был человеком довоенной формации и к новомодным биомеханизмам относился с долей тщательно скрываемой тревоги.

— Не намекайте случаем, — сказал он, чтобы развеять эту смутную тревожность, — в чём суть предлагаемой работы?

Рыбак ответил вопросом на вопрос:

— Вы в детстве не читали сказку про старика, который полез по бобовому ростку к небу?

— Гм... Не припоминаю. В чём там суть?

— У старика получилось, — ответил Шутник.

Самарцева привезли в старинную усадьбу на окраине, тем же чудом, по видимости, что и «доходный дом», где он квар-

Сергей Игнатьев родился в 1984 году. Публикуется в периодике с 1999 года. Автор трёх фантастически романов. В настоящее время работает в системе геймдизайна. Живёт в Москве, Россия.

тировал, еще не попавшую под новейшие архитектурные преобразования. Три этажа — помесь имперской вычурности с игривым маньеризмом, затерянный в заросшем парке архаический монстр, окаменелый динозавр безвозвратно минувшей, лет тому шесть как, эпохи.

Лицо хозяина дома, смуглое и полногубое, тонувшее в пене буйных кудряшек, показалось смутно знакомым Самарцеву. То ли по газетным передовицам, то ли по портрету с форзаца читанной в смутную пору поисков работы беллетристике. Представили его Самарцеву как Поэта. Но времени на расспросы не было — предстояло ещё одно, куда более важное знакомство. Собственно, цель их поездки.

В библиотечном зале ждал одетый несколько небрежно, но с особым академическим шиком, старик — ермолка на серебристых кудрях, клетчатый твид с неприменными кожаными заплатами на локтях, очки-велосипед.

— Господин Калуга. С ним вам и предстоит работать.

— Я ещё не дал согласия, — напомнил Самарцев.

— Совершенно убеждён, — сказал господин Калуга. — Нынче же, когда я открою перед вами некоторые детали предстоящего проекта, вы дадите своё согласие.

Он оказался прав. Как предстояло убедиться Самарцеву, его новому работодателю это было свойственно. Он никогда не ошибался — ни в людях, ни в расчетах.

Тем вечером ноги сами понесли Самарцева в кабачок «Приют грёз». По привычке. Он бродил по городу, в запахах древесного сока и пыльцы, размышляя над тем, о чём рассказал его новый знакомый.

Брёл, ускользя от отчаянно сигнализирующих, норовящих сплющить его лоснящейся ходовой частью дендробусов, из которых возмущались вслед ему растревоженные пассажиры.

Брёл, задевая плечами прохожих. Рассеяно извинялся перед публикой, гуляющей

по бульварам с ярко-оранжевыми шарами хони-мелони и кульками светящегося плямгама в руках.

Бродил, шаркая по губчатой поверхности биопастового тротуара, не отдавая себе отчёта ни в том, куда идёт, ни в том, что видит перед собой.

Закат, дробимый кружевом ветвей, перекличка птиц в ветвях. Зеркальные плоскости парников и теплиц. Причудливые изгибы моноформы — переменчивой, живой, дышащей — на месте прежних ветхих строений.

Добравшись, наконец, до «Приюта», он заказал чаю со льдом. Шнапсидр показался теперь не уместным. Он был уже пьян. Пьян тем проектом, участие в котором предложил ему Калуга. Ему, сентиментальному пьянице с зачатками художника, без семьи, без дома, без будущего, перебивающемуся редкими фито-дизайнерскими заказами, которых хватает только на оплату счетов и шнапсидр. Что за притча? После скомканной беседы в архаическом кабаке, где он был завсегдатаем, совершенно незнакомые, профессионально-безымянные люди предложили ему участие в Проекте Века...

Было с чего закружиться голове.

Он вспомнил блеск каминного огня на очагах Калуги. Его вдохновенную речь, подкреплённую выразительной жестикующей. Периодически Калуга сбивался на специальную терминологию, порой делал паузы, будто силясь подобрать наиболее точное определение, но его горячность, увлечённость предметом, о котором он говорил, ни на секунду не давала слушателю отвлечься:

— Вы знаете, что это? — в морщинистой ладони лежала пригоршня округлых охристо-коричневых зёрен. — Это *Sebastiania palmeri*. Мексиканцы называют их бринкадорес. Моль *Cydia deshaisiana* откладывает в них личинки, из-за которых они получили прозвище «прыгающие бобы». Вылупившись из яйца, личинка поедает внутренность боба, отвоёвывая для себя жизненное пространство, оплетая его изнутри

шёлковыми нитями. Если резко изменить температуру боба, например, согрев его, подержав в ладони — личинка начнёт сокращаться, дёргая за нити и заставляя боб двигаться. «Прыжки» боба — это мера выживания, вызванная боязнью тепла, которое приводит к обезвоживанию личинки...

— К чему вы ведёте, господин Калуга?

— Мы можем многому научиться у Природы, не находите?

— Вы что, собираетесь...? — Самарцеву стало весело. — Помилуйте, я, конечно, убеждён, что достижения нашей страны в области селекции сейчас на пике. Да, это самый настоящий Золотой век, и возможности наши заоблачно высоки... Но, хм... Господин Калуга, где вы отыщете для своего боба такую чертовски здоровенную ладонь?

Калуга улыбнулся, поправляя очки.

— Мне нравится ваш настрой, — ответил он. — Мы сработаемся. А что касается вашего вопроса... Почему бы не использовать, ну, допустим, ультрафиолет?

...Самарцев вновь и вновь вспоминал беседу, рассеянно покручивая на столе стакан с ледяным чаем.

Сегодня патефон в «Приюте грёз» молчал. По радио передавали речь премьеры. «Дедушка Ваня», человек-который-изменил-всё, говорил мягким, по-учительски терпеливым голосом:

— ...Живем в такое время, когда высшее призвание человека состоит в том, чтобы не только объяснять, но и изменять мир. Сделать его лучшим, более осмысленным, полнее отвечающим потребностям жизни...

— Селиван, смотри, — Алиса, правой рукой с театральным биноклем указывая на поле, локтем левой в волнении ткнула его под ребро. — Едут! Едут же! Сейчас начнут?

Самарцев загадочно улыбнулся жене, выуживая из портсигара папиросу.

Алиса погрозила ему пальчиком:

— Подаёшь детям дурной пример!

Близнецы радостно загалдели в том смысле, что, мол, они завсегда папиному примеру рады, а уж если пример дурной — так, пожалуй, тройне.

С некоторым трудом утихомирив оглоедов и усадив на предназначенные им места, стряхивая попутно с мундирного сукна неведомо как оказавшуюся там сахарную пудру, Самарцев запоздало парировал:

— А правда, что дедушка Ваня и сам табачком балуется? Никак не бросит?

— Селиван! — возмутилась жена. — Не имею права разглашать, врачебная этика!

— Брошу я, брошу, — пообещал Самарцев, пуская в сторону сизые клубы. — Как только запустим, так сразу и брошу.

Он украдкой постучал костяшкой пальца по деревянным перилам гостевой трибуны.

Алиса, сделав вид, что не заметила, лишь крепче прижалась локтем к его боку.

На пусковой — широком поле, тянущемся до самого горизонта — тем временем прочно утвердился тормозными щупами «Карпос-4». Шлюзовая мембрана разделалась, по трапу спустились двое военных. Следом за ними — шеф Проекта, которого Самарцев и теперь мысленно звал «Калуга». В таком привычном уже драповом пальто, в шапке пирожком и очках-велосипеде. Он рассеяно помахал присутствующим на трибунах, затем отвернулся, сложив за спиной руки, стал смотреть на биокорабль.

Он высился впереди — титанический силуэт, вокруг которого распространялись волны тропического тепла, клубами валил пар. Самарцеву показалось, что даже на таком значительном расстоянии он может почувствовать запах их детища. Конструкции, совместившей в себе передовые достижения прикладной селекции и дендрологии, долгие тщательные расчеты и бесшабашную отечественную пассионарность, без которой у нас никуда.

Запах этот был сладковатым, пряным — в нём чувствовалось нечто неуловимо

осеннее — ноты прелой листвы, дымка, забродивших яблок, корицы и мёда...

Из транспорта с некоторой неловкостью, вызванной весом золотисто-блестящего скафандра, сопровождаемый военными и медиками, выбрался бионавт. Самарцев хорошо знал его — Валера Чкалов из «нестеровской» экспериментальной эскадрильи, лучший из лучших, которого отобрали после полугода тренировок, тестов, прогонов, репетиций. Бионавт обменялся с Калугой несколькими деловитыми фразами, спрятал лицо под чёрным забралом гермошлема и вразвалку направился к кораблю.

Калуга, дождавшись, когда он скроется в темном провале шлюза, погрузился вместе со свитой на «Карпос», который поспешно тронулся к трибунам.

До старта оставались теперь считанные минуты. Воздух вокруг биокорабля дрожал от зноя, округлый золотисто-кофейный силуэт мнился пустынным миражом, мороком, фата-морганой.

Самарцев подмигнул близнецам, своим локтем прижался к локтю Алисы, пошевелил пальцами, чувствуя ответное нажатие её руки.

— Алиса, ты в детстве читала сказку про старика, который полез по бобовому ростку к небу?

— М-м-м? Что-то знакомое. Чем там закончилось?

— У него получилось, — сказал Самарцев.

Владимир Марышев Средство от тараканов

Когда за спиной коротко отжужжал сработавший электронный замок, Гаврилов напрягся.

Камера была что надо — не сравнить с тесной обшарпанной одиночкой, в которой ему пришлось провести три первых дня. Большое окно с видом на чистый, украшенный цветущей клумбой тюремный дворик, две вполне приличные койки, прямоугольник головизора на стене, справа от входа две двери — значит, душ и туалет отдельные. Но вот сосед... Чего ждать от типа с такой бандитской рожей?

Рожа была широкой и плоской, словно с неё усердно пытались сошлифовать все неровности. Длинная щель почти беззубого рта, узкие прорези глаз, широкий приплюснутый нос, плотно прижатые к черепу уши...

Плоскомордый развалился на кровати, что являлось грубым нарушением распорядка, и, согнув ногу в колене, лениво почёсывал пятку. Увидев вошедшего, он прекратил свое занятие и радостно ощерился:

— Вот это подфартило! Скажу братве, с кем чалился, — не поверят. Ты, что ли, макакучи мочил?

Гаврилов не знал, как вести себя в таких случаях, и ограничился коротким: «Я».

— Мишаня, — представился плоскомордый. — А ты, значит, тот самый Гаврилов. Ну, здорово, Гаврик.

Кличка Гаврилову не понравилась, но он не стал спорить. Ответил таким же «здорово», стараясь произнести его как можно нейтральнее, затем подошёл к свободной койке и начал перекидывать в тумбочку свои вещи.

Мишаня поднялся. Он был невысок, но коренаст и — это чувствовалось — налит силой.

— Ты завязывай дуться, понял? Нормальное погоняло.

— Я не дуюсь.

— Вот и ништяк. Что, долго на макакучи точил?

— Долго.

* * *

Конечно, ничего общего с макаками туриане не имели. Прозвище прилепилось к ним из-за нежной, каштанового цвета, шёрстки, равномерно покрывающей всё тело. Только на щеках она переходила в густые бакенбарды, а на голове образовывала пышную шапку.

Со времён повального увлечения летающими блюдцами человечество гадало о том, какой будет долгожданная встреча с гостями из космоса. Почему-то чаще всего они представлялись зелёными, тощими и лысыми, с огромными глазищами в половину туго обтянутого кожей лица. Надеть посланников иного разума шерстью ни у кого не хватало смелости — это казалось покушением на устои дарвинизма.

Однако внешний вид пришельцев был делом десятым: землян интересовали щедрые дары, которые вот-вот посыплются на их головы. В том, что посыплются, не сомневался никто, споры шли только об объёмах и ассортименте. И то правда: если цивилизация осваивает межзвёздные перелёты, то при таком могуществе ей от «меньших братьев» уже ничего не нужно. Разве что удовлетворить своё любопытство. А так как любая информация имеет ценность, почему бы не отблагодарить за неё хозяев планеты? Что стоит порадовать их самым простеньким антигравитационным двигателем или хотя бы термоядерным реактором?

Владимир Марышев родился в 1961 году в г. Йошкар-Оле (Россия, Республика Марий Эл), где живёт по сей день. Работает журналистом. Фантастику пишет с 20 лет, публиковался в российских, украинских и одном американском изданиях. Опубликовано три романа, повесть и более 70 рассказов.

Всё вышло так, как земляне и предполагали. В назначенный день начальник туррианской экспедиции обратился с трибуны ООН ко всему человечеству.

Миллиарды людей замерли у экранов.

— Мы решили вознаградить вас за терпимость к нам, доброжелательность и гостеприимство, — начал туррианин. Его речь переводилась на двадцать наиболее распространённых языков планеты. — Долго обдумывали, каким образом это сделать, и в конце концов обратили внимание на проблему, которую вы долго и безуспешно пытаетесь решить. А потому мы дарим вам фири. — Он выдержал эффектную паузу и торжественно пояснил: — Идеальное средство от тараканов!

* * *

— Ты ведь у америкосов сидел, — сказал Мишаня, разглядывая в окно противоположную стену тюрьмы. — Ну, и как там?..

Гаврилов пожал плечами:

— Примерно то же, что и здесь. Сейчас везде одни стандарты.

— А что они про макак думают, Гаврик?

У Гаврилова сжались кулаки. Порой он воспринимал свою кличку спокойно, но чаще испытывал раздражение, переходящее в холодное бешенство. Вот и сейчас хотелось шархнуть Мишаню так, чтобы тот пробил стекло плоским лбом. Но это было невозможно. Во-первых, стекло бронированное — его и автоматная очередь не возьмёт. Во-вторых... Стычка с бандитом — самоубийство, а ему, Гаврилову, пока рано на тот свет. Не всё ещё сделано, самое главное впереди...

— Считают нормальными парнями, — сквозь зубы ответил Гаврилов. — Может, не все, но из тех, с кем я общался, — почти каждый. Как только услышат про турриан — прямо расплываются. И это самое мерзкое. Наши ещё туда-сюда, и по матушке могут обложить, а там — почти без вариантов...

— Стало быть, нравится микстурка-то. Она всем нравится, а им, видать, особенно. Знали макаки, чем угодить!

* * *

В первый момент человечество восприняло «щедрый» дар инопланетян как издёвку. Людям словно указали их место в галактической иерархии: пока одни бороздят просторы Вселенной, другие погрязли в ничтожных бытовых проблемах и пасуют даже перед крошечными усатыми нахлебниками! Прежде чем мечтать о равноправном партнёрстве с высшими расами, наведите-ка, господа, порядок хотя бы у себя на кухне...

Шок был настолько силён, что для формулировки ответа пришлось срочно созвать саммит «большой двадцатки». Впервые в истории он проходил в абсолютно закрытом режиме. Как выяснилось позже, главы ведущих держав планеты чуть не переругались, но в конце концов договорились не смотреть в зубы дарёному коню. Кто их знает, пришельцев — может, это только начало? Пробный камень, так сказать...

Фири оказалась густой жидкостью с едва уловимым запахом — пожалуй, слишком приятным для инсектицида. По цвету она напоминала молоко, но с лёгким желтоватым оттенком. Турриане не соврали — их подарок действительно убивал тараканов наповал, причём больше они в обработанных отравой местах не появлялись. С чьей-то легкой руки к чудо-средству прилипло словечко «микстура», и после первых удачных опытов спрос на неё побил все рекорды. Смех смехом, а тараканы действительно осточертели всем — от жителей трущоб до владельцев особняков!

Тут бы производство «микстуры» и поставить на поток, но у неё оказалась невообразимо сложная формула. Учёные вывихнули мозги, пытаясь понять, при каких условиях её можно синтезировать, но ничего не добились. Как объяснили

турриане, при существующем уровне земных технологий о синтезе не может идти и речи — всё равно что пробовать сковать компьютер в кузнице. Но они выразили готовность поставлять землянам фири в любых количествах, ничего не прося взамен. После чего, составляя договор о сотрудничестве, закрепили в нём своё намерение отдельным пунктом.

Кое-кому этот пункт сразу показался подозрительным. Самую непримиримую позицию заняло общественное движение «Бдительные», члены которого постоянно напоминали, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Но к ним не прислушались — «сыр» казался слишком заманчивым. Да и как может навредить людям идеальная управа на тараканов?!

Вскоре после того как человечество оправилось от первого шока, ему пришлось пережить следующий. Проводя опыты над фири, один из химиков ровно наполовину разбавил её обычной дистиллированной водой. Изучив полученный раствор, он с удивлением обнаружил, что открыл... великолепное моющее и чистящее средство. Настолько универсальное, что все ныне существующие можно было назвать вчерашним днем, а заводы по их производству — закрыть.

Дальше события развивались стремительно. Разбавляя «микстуру» в разных пропорциях, экспериментаторы последовательно получали дезодорант, удобрение, смазочное масло, кормовую добавку для скота, разнообразные медицинские препараты, новое автомобильное горючее... Конечно, удавались далеко не все опыты. Многие из них заводили в тупик — на выходе получалась какая-нибудь дурно пахнущая жидкость без каких-либо перспектив применения. Но отрицательные результаты тут же забывались, тогда как положительные неизменно вызывали фурор. Затем выяснилось, что «микстуру» можно не просто банально разбавлять водой: резкое нагревание и охлаждение, введение всевозможных добавок также давали фантастический эффект.

Здравый смысл говорил, что это невозможно. Академики медленно сходили с ума, но их более молодые и расторопные коллеги пользовались моментом и защищали диссертацию за диссертацией. По-прежнему не понимая сути происходящего, но умея мастерски напустить псевдонаучного тумана...

Мир потрясла череда банкротств когда-то могущественных концернов, продукция которых в новых условиях оказалась никому не нужна. Заодно сгнули многие тысячи обслуживающих их небольших фирм. Но массовый потребитель этого не заметил, поскольку поставщики честно выполняли свои обязательства. Огромные резервуары с фири исправно выныривали из гиперпространства на околоземной орбите, после чего туррианские челноки развозили чудо-жидкость в пункты приёма.

На обломках рухнувших промышленных гигантов возникло несколько новых. Их стали называть Ф-корпорациями — от слова «фири». Они полностью сосредоточили в своих руках приём «микстуры» и её превращение в готовые продукты. Турриане ничего не имели против. Раз в несколько лет они пролонгировали договор с землянами, внося в него чисто косметические изменения. Но им, казалось, было совершенно безразлично то, как именно люди используют инопланетный дар.

Итак, наступили благословенные времена — согласно намозолившему глаза рекламному слогану, «эпоха живительной фири». Идиллию нарушали только участвовавшие акции «Бдительных». Их активисты баламутили народ, называя «микстуру» троянским конём, призванным уничтожить земную цивилизацию. Но мирные методы давали слишком незначительный результат, а «Бдительные» хотели всего и сразу. Поэтому они перешли к сильнодействующим средствам и устроили диверсию на заводе одной из Ф-корпораций. После этого движение объявили вне закона. Кого-то из его верхушки схватили

и приговорили к тюремным срокам, но остальные ушли в подполье и там продолжали вербовать новых сторонников. Одним из них стал Александр Гаврилов из московского офиса международного журнала «Global policy». Выбор был сделан с ювелирной точностью, потому что перед сотрудниками таких изданий открыты многие двери. Кроме того, Гаврилову по долгу службы довелось побывать в «горячих точках». И там он кое-чему научился...

* * *

После обеда сокамерники прогуливались в тюремном двореке. Вместе с ними, обходя по периметру большую клумбу, мерили шагами асфальт ещё несколько десятков арестантов. Мишаня шёл медленно, вразвалочку, явно получая удовольствие и от самого моциона, и от усыпанной цветами клумбы, и от солнца над головой, которое как раз заглянуло в квадрат, образованный сомкнувшимися крышами.

— А ты сам-то как здесь?.. — спросил Гаврилов, разглядывая огромные махровые бархатцы, выстроившиеся в три ряда по краю клумбы.

— Да тоже хотел урыть одного уroda, — весело отозвался Мишаня. — Нельзя было не урыть — жить мешал, падла. Ну, я-то

ладно — дело привычное. А вот как ты на мокруху подписался, да ещё против макак пошел — этого не догоняю.

— Да так же, как и ты. Жить мешали.

— А пушку где взял? Как пронёс? Там, наверно, охраны было — таракану не прошмыгнуть!

— Я прошмыгнул, — сухо ответил Гаврилов.

* * *

Турриане не умели ни улыбаться, ни хмуриться. Свои эмоции они выражали оригинально: в хорошем настроении сильно отгибали уши вперёд и топорщили шерсть на бакенбардах, в плохом — поступали ровно наоборот.

Гаврилов отметил, что Раунаг, два последних года возглавляющий туррианскую миссию, был в великолепном расположении духа. Его уши оттопырились так, что торчали почти перпендикулярно вискам, распушённые бакенбарды выглядели как наэлектризованные. Ещё бы: через полчаса ему предстояло пролонгировать с генсеком ООН договор о взаимовыгодном сотрудничестве. В чём состояла выгода инопланетян, до сих пор оставалось загадкой, поэтому было принято считать, что альтруизм у гостей в крови. «Бдительные», правда, имели своё мнение на этот

счёт, но даже просто разделять его являлось делом подсудным.

На съёмку отвели ровно две минуты. Получив отмашку, репортёры ринулись вперёд. Казалось, бесцеремонная, пихающаяся локтями толпа вот-вот захлестнёт и лопухого туррианина, и генсека с приклеенной к лицу белозубой улыбкой. Но в следующий миг репортёры словно наткнулись на препятствие и растеклись по дуге. Трудно было отделаться от мысли, что взгляды одинаковых, как манекены, секьюрити обладали материальной силой и создали вокруг обоих ВИПов невидимую стену.

Когда репортёры бросились увековечивать исторический момент, Гаврилов не последовал их примеру. Он сделал лишь один широкий шаг и, убедившись, что коллеги надёжно заслонили его спинами от охраны, начал действовать — отработано, на «автомате». Сперва одним движением отсоединил от своей фотокамеры массивный объектив. Затем, нажав на неприметную кнопку, трансформировал его в странную на вид трубку втрое большей длины. Этим оружием его снабдили «Бдительные». В дьявольской штучке, замаскированной под профессиональный «Никон», не было ни грамма металла — только сверхпрочные композиты. Поэтому её не распознавали никакие детекторы.

Гаврилов сразу высмотрел в отделяющей его от мишени живой стене слабое звено — коротышку-японца. Он схватил его за шиворот, рванул к себе и скользнул на освободившееся место. Затем вскинул оружие и нажал на спуск. Промахнуться с такого расстояния было невозможно.

Пули покидали ствол с ненатурально тихим звуком, будто стрельба велась резиновыми присосками из игрушечного автомата: чпок, чпок, чпок... Но после каждого «чпока» в груди Раунага, обтянутой серебристой переливчатой тканью, появлялась новая дырка, и из неё выплескивался фонтанчик малиновой жидкости.

Всё произошло так быстро, что лишь

после энной дырки ближайший охранник в прыжке вырвал у Гаврилова оружие. Затем оба секьюрити с хрустом заломили ему руки за спину.

Следующее утро он встретил в стенах знаменитой нью-йоркской тюрьмы Рикерс. Помимо прочего, в камере-одиночке был головизор с четырьмя каналами — протестантским, католическим и двумя новостными. Первые два Гаврилов игнорировал, а от просмотра новостей испытывал мрачное удовольствие: его фамилия, сопровождавшая теперь уже исторические кадры из штаб-квартиры ООН, звучала почти непрерывно. Порой казалось, что ведущим с разным оттенком кожи платят отдельно за каждое упоминание сумасшедшего русского.

Только имя Раунага они произносили ещё чаще — сводки о состоянии его здоровья передавались каждые десять-пятнадцать минут. В первый момент, узнав, что туррианин жив, Гаврилов впал в ступор. Стоял столбом посреди камеры, очумело уставившись в экран, и повторял вслух: «Не может быть, не может быть, не может быть...» Потом попытался убедить себя, что с изрешечённой грудной клеткой никто долго не протянет, будь он хоть трижды пришелец. Но сводки звучали всё оптимистичнее, и однажды было объявлено, что глава инопланетной миссии идёт на поправку. Хвала живительной фири! Точнее, одному из чудо-препаратов на её основе. Он ещё не прошёл клинических испытаний, но уже доказал, что может возвращать полупокойников с пути на тот свет...

Когда Гаврилов узнал об этом, он целую ночь ворочался, не в силах заснуть. А наутро испытал неожиданное для него самого облегчение. Да, Раунаг выкарабкался, но игра ещё не кончена. Совсем нет!

Судьба первого межпланетного террориста решалась в переговорах между властями США и России. Наконец формальности были улажены, и Гаврилова отправили на родину — дожидаться суда.

* * *

— Мало кто обратил внимание на эту деталь, — говорил с экрана розовощёкий прилизанный ведущий. — А она весьма любопытна! В тысяча девятьсот четырнадцатом году некий Гаврила Принцип застрелил австрийского эрцгерцога Фердинанда. А сто двадцать лет спустя Александр Гаврилов совершил первое в истории человечества покушение на инопланетянина. Обратите внимание — Гаврила и Гаврилов! Первый теракт вверх сотни миллионов людей в мясорубку мировой войны. Второй, окажись турриане ярыми ксенофобами, мог послужить поводом к уничтожению всей земной цивилизации. К счастью, наши гости настроены гуманно. Они рассчитывают, что суд над преступником будет справедливым и беспристрастным...

— А все-таки, Гаврик, я не пойму, — сказал Мишаня. — Чего ты добился? Ну, шамальнул в одного, а толку-то? Что изменится?

— Многое. — Гаврилов кивнул на экран. — Вот он говорит про справедливый беспристрастный суд.

Мишаня хмыкнул.

— Мало ли что какой-то фраерок базарит. Они мастера пургу гнать — работа такая. Всё уже давно решено и обговорено с макаками. Тебе дадут пожизненное, тут и гадать нечего. Будешь сидеть, пока не зажмуришься.

— Пусть! — упрямо тряхнул головой Гаврилов. — Я знал, на что шёл. Главное, что не прикончили — тогда всё было бы впустую.

— А так — не впустую?

— Так — нет. Уже объявлено, что суд будет открытый. Сами турриане настояли. Думают, мир посмотрит на меня и ужаснётся, детей станут пугать таким чудовищем. А чудовищу только этого и надо! Я уже давно приготовил речь, которую скажу на суде. Она здесь, — Гаврилов ткнул себя указательным пальцем в лоб, — вся, до последнего слова.

— И что будешь втирать?

Гаврилов с неприязнью посмотрел на Мишаню. Он злился на себя, как любой неглупый человек, осознающий, что мечет бисер перед свиньями. Но остановиться уже не мог:

— Люди не любят правды. Им приятно себя обманывать, делать вид, что всё прекрасно, а завтра будет ещё прекраснее. Но я встряхну заплывшие жиром мозги. Докажу на пальцах, что турриане собираются прибрать нашу планету к рукам. Наверное, сделать это силой им запрещают какие-то моральные устои. Тогда они придумали хитрый ход — уничтожить земную экономику. Сделать так, чтобы мы стали зависимы от этой чёртовой фири, как наркоман — от дозы. С тем, кто прочно сидит на игле, можно делать что угодно, правда ведь? Поэтому я не жалею, что стрелял в Раунага. Пусть для кого-то он милый, обаятельный, пушистый — мне плевать. Тот, кто пришёл к нам с камнем за пазухой, другого не заслуживает. Но ещё больше ненавижу толстосумов из Ф-корпораций. Вот кто самая мразь! Они не дураки — видят, к чему всё катится. И при этом продолжают как ни в чём не бывало делать миллиарды. Жадность — сильное чувство! Видно, рассчитывают уцелеть под обломками, когда весь мир рухнет. Крысы и тараканы самые живучие, верно? Но я об этой падали много чего знаю — у нас на каждую корпорацию собрано досье. И когда я озвучу хотя бы главное...

— Порожняк толкаешь, — лениво перебил его Мишаня. — Сам же говорил — никому твоя правда не нужна. Кругом одни лохи. За то, что собрался у них микстуру отнять, ещё и в гады запишут.

— Кто-то запишет, а кто-то и задумается. Я сам был таким лохом, верил, что пришельцы прямо-таки откровение принесли. Даже представить не мог, что путь, который они нам указали, ведёт напрямик в пропасть. Так и ходил блаженным дурочком, пока мне мозги не прочистили. Теперь настала пора другим прочистать.

— Думаешь, получится? Ну-ну. — Подойдя, Мишаня покровительственно хлопнул сокамерника по плечу, и тот почувствовал, как что-то легонько кольнуло его в основание шеи. Сперва он не придал этому значения, но через несколько секунд место укола начало неметь, как от заморозки.

— Что это? — выдавил Гаврилов, цепенея от догадки, и попытался массировать деревенеющую шею.

— М-м? — Мишаня поднял брови, изображая непонимание. Затем повернул руку ладонью вверх, и в кургуzych пальцах что-то блеснуло. Между средним и указательным была зажата крошечная ампула, от которой отходила тонкая, как комариный нос, игла.

— Ах, это... — Мишаня расплылся в издевательской ухмылке. — Не узнал? Наша знакомая микстурка, только и всего. Главное — как её разбавить. Сделаешь так — будет лекарство, этак — отравка. И не только для тараканов.

Грудную клетку Гаврилова словно сжали огромные ледяные ручищи, заставив лёгкие омертветь на вдохе. Он захрипел и, опустившись на койку, с отчаянием уставился в угол, где под потолком виднелась камера видеонаблюдения.

Мишаня перехватил его взгляд и осклабился ещё шире.

— Ага, красивая штучка. Только на деле — туфта. Дело ведь не в железках, а в том, кто их включает и выключает. Ты что, в натуре такой наивняк? Думал, те, кто ворочает баблом, дадут кому попало рот разевать? Жаль мне тебя, Гаврик. Не догнал умишком, на кого наезжаешь, а мог бы жить бы да жить...

Голос Мишани звучал всё тише, а лицо расплывалось, пряталось под наползающими со всех сторон полупрозрачными узорами — они напоминали изморозь на оконном стекле. Когда узоры соединились, Гаврилов издал последний хрип, повалился на койку и избавил от себя счастливый мир, напоенный живительной фири.

Яцек Савашкевич Клад

Приятель с размаху вогнал штык лопаты в землю.

— Здесь, — сказал он. — Точнёхонько в этом месте.

— Ты уверен? — спросил я.

— Уверен, — кивнул приятель, подсовывая мне карту. — Смотри. Именно тут лежит этот клад.

Мы дружно взялись за работу. Через какие-нибудь полчаса, когда гора выброшенной земли нависла у нас над головами, я почувствовал, что лопата стукнулась обо что-то твёрдое.

— Есть, — прохрипел я.

Мы принялись грести землю руками. И мгновением позже перед нашими глазами предстала богато инкрустированная крышка.

— Ну вот, — сказал приятель. — Клад наш.

Ящик оказался длинным и жутко тяжёлым.

— Ничего удивительного, — пояснил я. — Золото и драгоценные камни.

Когда мы вытащили ящик наверх, я поддел кончиком лома проржавевший замок, а приятель откинул крышку. На дне ящика лежала весьма странно одетая молодая девушка.

— Нет никаких сокровищ, — разочарованно сказал я.

— Тут какая-то ошибка, — пробормотал приятель, заново изучая пожелтевшую карту. — Ничего не понимаю.

— А кто она вообще такая? — спросил я, кивая в сторону девушки.

— Не знаю, — ответил приятель. Он нагнулся и поднёс зеркальце к её губам. Оно запотело. — Живая.

Мы растерянно стояли, не сводя глаз с девушки. Вдруг, неведомо откуда, прискакал соседский сын, пронырливый щенок.

— О! — воскликнул он. — Спящая Царевна.

— Кто?

— Спящая Царевна, — повторил этот чёртов всезнайка. — Стоит её поцеловать, она тут же проснётся.

— В самом деле? — спросил я.

— Точно. Было про это в одной такой книжке.

— А когда проснётся, то что дальше? — спросил приятель.

Щенок почесал в затылке.

— Ну-у... тот, кто её поцелует, станет королём. И это самое... возьмёт её в жёны.

— И это обязательно?

— Обязательно.

Я глянул на приятеля, тот — на меня. Мы прогнали щенка прочь, дождались, пока он исчез с наших глаз и закопали ящик. Только гораздо глубже.

Из книги «Между прочим ужас» (Jacek Sawaskiewicz. Miedzy innymi makabra, 1985).

Перевод Владимира Аникеева.

Педро Камачо Инженер Витрувий и другие

(«Менск», рис. Язэпа Дроздовича, 1920)

Не всякий город может похвастаться тем, что его основание происходило в духе фэнтези. А если даже так оно и было, то это не афишируется. Вот, например, Минск. Официальная история утверждает, что город основан 3 марта 1067 года. Ну, или, тут же добавляется, точнее будет так: первое упоминание Минска в летописях датируется 3-м марта 1067 года. В тот день три сына Ярослава Мудрого, Изяслав Киевский, Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский, взяли штурмом Минский замок (град), сожгли его и «иссекоша всех мужей, а жён и дети взяша на щиты», как образно изъяснился летописец. Но уже через несколько дней князь Всеслав Полоцкий, он же сюзерен Минска, с небольшой, но весьма мобильной дружиной, тайно подошёл к окраине города, к так называемой Старой Менесковой запруде, дождался ночи, и напал на лагерь (стан) ничего не подозревавших Ярославичей. Там началась паника. Когда же братья начали понемногу приходить в себя и организовывать правильную оборону, Всеслав дал свой дружине приказ — и полочане бесследно исчезли. Оправдывая свои тяжёлые потери и постыдное замешательство в битве (и это при многократном численном превосходстве), Ярославичи клятвенно

утверждали, что там не обошлось без вмешательства нечистой силы, ибо это никто иной как мерзкий колдун Менеск помог своему правнуку Всеславу, а иначе бы...

Ну, и так далее. Но не будем углубляться в дальнейшее описание той княжеской междоусобицы, а только отметим, что к 3-му марта 1067 года Минск был уже довольно крупным, укреплённым городом, если его приходилось осаждать объединёнными силами трёх княжеских дружин. То есть Минск был основан значительно раньше указанной в летописи даты.

Но вот когда именно это произошло, история умалчивает. Зато об этом существуют две легенды. Они разнятся между собой в оценках описываемых событий, но в основе сходны: Минск был основан неким могущественным демиургом (или, по другой версии, жестоким колдуном) по имени Менеск, который построил самую первую в наших краях водяную мельницу, способную молотить не только зерно, но и камни, превращая их в муку. По одной версии легенды, Менеск был щедр, вокруг его мельницы очень скоро образовался небольшое поселение, жители которого ни в чём не знали нужды, поэтому они провозгласили Менеска своим князем, поселение быстро превратилось в город, а город обнесли надёжными стенами. По другой версии Менеск был жаден и жесток, его мельница, чтобы перемалывать камни в муку, требовала постоянных человеческих жертв, и чтобы таковые всегда имелись под рукой, Менеск вместе со своими дружинниками разъезжал по округе и забирал тамошних жителей в полон. Горожанам, в этой версии, жилось очень плохо. Зато сам Менеск был несметно богат. Таким образом, мы имеем два взгляда на одно и то же историческое событие — взгляд победителей и побеждённых.

А истина, как всегда, находится где-то посередине. Итак, если убрать оценки и эмоции, мы имеем вот что: на место будущего Минска является некто, умеющий строить водяные мельницы. Произошло

это ориентировочно в конце X-го века. В дальнейшем мы обоснуем эту датировку, а пока только скажем, что первые упоминания о строительстве водяных мельниц в наших краях появятся только в XII — XIII веках, а в описываемые нами времена муку мололи либо в ручных жерновках, либо, на княжеских дворах, в новомодных ножных жерновах. А тут вдруг такое чудо — водяная мельница! Слаженный механизм! Система передач, горизонтальное вращение передаётся в вертикальное, зазор между верхним и нижним жерновом полтора-два миллиметра, зазор можно регулировать — и это при том, что жёрнов весит десятки пудов. Кстати, сам жёрнов ещё нужно выточить, а далеко не всякий камень пригоден для этого. Твёрдый не поддастся обработке, мягкий начнёт крошиться и его обломки попадут в муку, где найти желаемую середину? Зато когда всё это сделано, мельник сидит на завалинке, а мука сама по себе мелется — только подставляй мешки. Разве это не чудо для наших далеких предков? А тут ещё знающие люди поговаривают, что Менескова мельница может молоть и камни, мука получается вполне съедобная, сам пробовал... Что ж, вполне может быть! Ну а о том, что такое чудо даром не бывает, что нужно мельницу время от времени умамливать, так и это не такое диво.

А диво то, что колесо само по себе крутится и из-под камня сыплется мука такого мелкого помола, что просто не верится!

Откуда Менеск мог знать секрет строительства мельниц? Изобретены они были ещё в Римской империи примерно за тысячу лет до описываемых нами событий. Там они назывались мельницами Витрувия по имени знаменитого механика и архитектора, подробно описавшего их устройство в своем трактате «Десять книг об архитектуре». Кроме мельниц Витрувий подробно излагал принцип работы кузнечных мехов,

водяного насоса, токарного станка, давяльного пресса и множества других механизмов и приспособлений. Четыреста лет соотечественники Витрувия с большой пользой для себя изучали его сочинения. Затем пришла эпоха переселения народов, пал Рим, наступили Тёмные века... Так что во времена Менеска не только в наших краях, но и в более цивилизованной Европе немногие могли бы похвалиться тем, что знают, что такое водяная мельница. Не говоря уже от том, чтобы её поставить.

А Менеск поставил. На маленькой речке Переспе при её впадении в более крупную речку — Свислочь. Никакого города, ни даже просто мелких поселений там нигде и близко не было. Глухое место. Зато очень удобное — Переспа сбегала по крутому склону, энергия падающей воды вполне позволяла ставить колесо с так называемым средним боем, шестипудовый мешок намальывался меньше чем за час! Вот к Менеску и ехали со всей округи. И вскоре как-то само по себе получилось, что рядом с мельницей появилась одна полумезьянка, вторая, третья, а вот поселение обносится оградой, а вот при ограде стоят сторожа. Трудно сказать, чем приманивал Менеск удачу, может, порой ему и в самом деле приходилось задабривать мельничное колесо, чтоб оно «не скрипело». Но про жертвы говорится только в одной версии легенды, а во второй о них даже не упоминается, потому что какие там жертвы, когда и так всё есть, а если вдруг кончится зерно, всегда можно будет смолоть камни.

Но, тут же говорится в другой версии, чтобы перемолотые камни превращались в съедобную муку, нужно жертвовать...

Теперь мы, конечно, не знаем всей правды. Но в одном можно не сомневаться — в поселении, владеющем суперсовременными технологиями, уровень жизни намного выше, чем у не столь продвинутых соседей. А это рождает у соседей гнев. И сосед, рано или поздно, выступает войной. Но чем был вооружён сосед и его воины? Копьями, лу-

ками, дубинами, дротиками, князь (конязь) сидит на коне и у него, у единственного во всём их войске, есть настоящий меч. А Менеск, знающий, как устроена мельница, уже оборудовал при ней кузницу, мельничное колесо раздувает меха, можно ковать мечи, наконечники для стрел, тянуть проволоку для кольчуг. А можно, вспомнив древние чертежи из книг того же Витрувия, собрать катапульту. Да и мало ли что ещё! Так что соседей Менеск не боялся. Очень скоро все они признали верховенство Менеска. И вот уже князь Менеск собирает дань с ближних селений, берет плату с проплывающих мимо купцов. И так, мало-помалу, слухи о дерзком князьке доходят до многолюдного Полоцка, до его князя Изяслава. А тот давно уже собирается поставить под контроль верховья Свислочи, от которых лежит торговый волок к Вилии, то есть из бассейна Днепра в бассейн Немана, из Чёрного моря в Балтийское. Частично Изяслав там уже укрепился, основав град Изяславль (ныне Заславль), теперь хорошо бы, для большей надёжности, укрепиться ещё и в Менеске (ныне в Минске). Вот мы и оказываемся в конце уже ранее заявленного нами X-го века. Могущественный князь Изяслав Владимирович Полоцкий отправляет свою дружину проучить дерзкого выскочку Менеска. Но Менеск оказывается упрям. Сейчас трудно сказать, на какие ещё выдумки пустился он, пытаясь отбиться от княжеской дружины, может, дело даже дошло до всеиспепеляющего греческого огня, до катапульт, но всё равно финал этой борьбы был предсказуем — Менеск был схвачен и убит, а его дочь Изяслав взял себе в жёны. Тогда был такой обычай — дочь побеждённого передавала победителю захваченные земли в виде приданного. Так в своё время поступил отец Изяслава, киевский князь Владимир, когда напал на Полоцк, убил полоцкого князя Рогволода и взял в жёны его дочь Рогнеду. Теперь та же участь постигла дочь князя Менеска, мать будущего князя полоцкого Брячислава и бабушку князя Всеслава, с которого и начинался наш рассказ.

Но так было в истории. А в легендах, конечно, иначе. В первой легенде, рассказанной с точки зрения побеждённых, события закачиваются на описании всеобщего благоденствия минчан под управлением мудрого Менеска. А вот зато легенда победителей не жалеет красок на обличение коварного колдуна Менеска. Недолго, утверждает она, упивался Менеск своей властью. Мельница требовала от него всё новых и новых жертв. А однажды повелела, чтобы Менеск отдал на смерть свою единственную дочь. И Менеск согласился и на это! Уже на следующий день Менеск должен был окропить её кровью ненасытное мельничное колесо, чтобы оно «не скрипело»... Но добрые люди успели дать знать в Полоцк, юный прекрасный князь прискакал (приплыл на быстрой ладье) в самую последнюю минуту — уже был занесён нож, когда просвистела калёная стрела и вонзилась в грудь злодея. Менеск упал под мельничное колесо и захлебнулся, никто и не подумал его спасать. А вот прекрасную княжну подхватили, поднесли князю, князь посадил её перед собой на коня (положил на персидский ковер, расстеленный на палубе), девушка открыла глаза, увидела перед собой благородного юного князя, густой румянец тут же залил её щеки — и влюблённые уплыли (ускакали) в Полоцк, где и обвенчались по христианскому обычаю.

А поселение возле колдовской мельницы быстро опустело. После смерти Менеска мельница быстро сломалась, никто не

мог её починить, и, как бы сейчас сказали, мукомольный бизнес лопнул. Люди, собрав свои нехитрые пожитки, прошли вдоль берега вниз по течению и уже буквально за следующим поворотом реки увидели ещё одно очень удобное место для устройства поселения. Это там, где в Свислочь впадала ещё одна речка, Немига. Вскоре она будет упомянута в летописях, а потом и в «Слове о полку Игоревом» скажут о её кровавых берегах, а пока это был тихий маленький посёлок. Вскоре туда приехал княжеский наместник из Полоцка, поставили надвратную башню, открыли торг, учредили мытню. Посёлок быстро богател.

А место возле неисправной мельницы стало считаться заколдованным, его обходили стороной. Поэтому когда Всеславу Полоцкому нужно было где-то укрыться перед нападением на Ярославичей, он посчитал, что лучшего места ему не сыскать. И не ошибся.

Шли годы, столетия. Минск время от времени сжигали, он вновь восстанавливался и расширялся. Но только не в сторону Менесковой мельницы, по-прежнему считавшейся недобрый местом. Только через четыреста лет там была возведена новая постройка. И это опять была мельница! Но на этот раз она перегораживала уже не Переспу, а Свислочь. Затем рядом с первой мельницей поставили вторую, третью...

Сейчас на этом месте — небольшая плотина, поверх неё пешеходный мостик, а чуть дальше, на берегу, установлен декоративный жёрнов. Ячея в нём такая большая, что в неё можно просунуть голову, гуляющие очень любят так фотографироваться. Что это за каменный бублик такой, почти никто из них не знает. Речки Переспы не видно, она давно спрятана под землю в коллекторную трубу, теперь о ней напоминает только название трамвайной остановки — Переспа. Вот, как говорил Витрувий: «Sic transit gloria mundi» — так проходит земная слава.

Издательство «Вече»
предлагает

книжная серия
«Человек-загадка»

Предсказания Нострадамуса и пророчества Ванги, кровавые страсти Дракулы и Клеопатры, любовные похождения Екатерины Великой, маркиза де Сада и блудницы революции Коллонтай, мистика Булгакова и магия Калиостро, интриги Ришельё и тайна кладов пирата Дрейка, как Tesla приручил молнию, а алхимик Фламель обрёл бессмертие, откровения Елены Блаватской и Николая Рериха, величие и трагедия Наполеона, княгини Ольги и Жанны д'Арк в уникальной серии «Человек-загадка».

50 книг о самых таинственных и великих людях всех времён и народов,
50 книг о любви и ненависти,
50 книг о жизни и смерти,
50 книг о великом и главном.

ISSN 2308-894X

9772306894001 00113